

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

В. В. Кальницкий

СТАДИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Учебное пособие

Омск
ОМА МВД России
2018

УДК 343.1(075)
ББК 67.629.376я73
К17

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент *Л. В. Черепанова*
(Барнаульский юридический институт МВД России);
кандидат юридических наук *И. Г. Хисматуллин*
(Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск)

Кальницкий, В. В.

К17 Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе : учеб. пособие / В. В. Кальницкий. — Омск : Омская академия МВД России, 2018. — 68 с.

ISBN 978-5-88651-673-9

В пособии рассматриваются история, современное регулирование, а также субъекты, задачи, формы, сроки и другие элементы, характеризующие деятельность суда в стадии уголовного процесса, предшествующей судебному разбирательству.

Издание адресовано курсантам и слушателям, а также преподавателям образовательных организаций МВД России.

УДК 343.1(075)
ББК 67.629.376я73

ISBN 978-5-88651-673-9

© Омская академия МВД России, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Переход в изучении уголовного процесса от досудебного производства к судебному производству представляет для обучающихся значительную сложность. Особенно это касается реализуемых в системе вузов МВД России специальностей «Правоохранительная деятельность» и «Правовое обеспечение национальной безопасности», ориентированных на приоритетное и глубокое изучение полномочий органов предварительного следствия и дознания. Наряду со многими обстоятельствами организационно-методического и психологического плана, причиной этого выступает проблемный характер первой судебной стадии с историческим для нашей страны и распространенным международным наименованием — «Предание суду». В современной российской уголовно-процессуальной литературе после существенного реформирования законодательства в 1992 г. эта стадия называется по-разному: «Назначение судебного заседания», «Подготовка к судебному заседанию», «Назначение и подготовка к судебному заседанию» либо в названии используются иные сочетания обозначенных терминов. В настоящем пособии название стадии звучит как «Назначение и подготовка судебного разбирательства».

Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства («Предание суду») находится на стыке досудебного и судебного производств. Как подчеркивается в научной литературе, именно это промежуточное (между двумя производствами) положение и вызывает разночтения в определении субъектов (прокурор или суд), границ, содержания и задач стадии¹.

Досудебное производство заканчивается деятельностью прокурора, который проверяет качество расследования по поступившему от следователя (дознателя) уголовному делу, в случае необходимости возвращает дело для дополнительного расследования со своими указаниями либо утверждает обвинительное заключение (обвинительный акт, обвини-

¹ См., напр.: *Перлов И. Д.* Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1948. С. 3.

тельное постановление), вручает его копию обвиняемому и передает дело в суд. Обратим внимание на созвучие фраз: «передает дело в суд» — «передает суду». Если признать, что передачей дела предание суду осуществлено, то делаем вывод: функцию предания суду выполнила обвинительная власть (сторона обвинения), выдвинувшая обвинительный тезис в отношении конкретного лица и стремящаяся, чтобы суд согласился с ее доводами и постановил обвинительный приговор. Субъект предания суду здесь — прокурор. В ряде стран, а также по российскому Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) предание суду в той или иной степени связывалось и связывается с деятельностью прокуратуры.

Какую функцию при этом выполняет суд? Он в любом случае обязан принять дело к своему производству и рассмотреть его по существу, или принимающий орган (суд) вправе осуществить собственную оценку поступивших материалов и при необходимости вернуть их прокурору (например, если обвинительное заключение не соответствует требованиям закона и должно быть пересоставлено либо на стадии предварительного расследования нарушено право обвиняемого на защиту)? Логично предположить, что суд не должен принимать дело к производству также и в ситуациях, когда оно подсудно другому судебному органу. Вправе ли суд в момент передачи ему уголовного дела оценивать качество расследования и правильность квалификации преступления, или это исключительно предмет предстоящего судебного разбирательства?

От ответа на эти и другие вопросы зависит понимание роли и места суда в механизме предания суду. Варианты могут быть разные. Если суд принимает поступившее от прокурора дело и в любом случае приступает к его рассмотрению по существу, то функцию предания суду он не выполняет или выполняет в той незначительной степени, которая не позволяет назвать эту деятельность самостоятельной судебной стадией. В случае активной работы суда с поступившим делом, сочетающейся с правом не принять его к рассмотрению в силу недостаточности собранных доказательств или скорректировать обвинение, можно говорить об участии суда в предании суду, в том числе как отдельной стадии.

Предание суду может быть названо судебной стадией, если в нее не будет входить деятельность прокурора, направившего дело в суд, а сама деятельность суда будет весьма объемной по содержанию и имеющей все формальные признаки стадийности. При этом возникает важный вопрос: каким образом сформулировать задачу (задачи) предания суду как судебной стадии? Традиционно каждая последующая стадия уголовного процесса осуществляет контроль за качеством выполнения задач на предыдущем этапе. Согласившись с тем, что, принимая дело к производ-

ству, суд признает предварительное расследование осуществленным надлежащим образом, а суду предается лицо, причастное к совершению преступления, будем вынуждены признать реальность проблемы предрешения итогового судебного вывода о виновности или невиновности подсудимого. В советской уголовно-процессуальной доктрине считалось, что суд в стадии предания суду контролирует качество расследования, но делает это без той степени погружения в существо дела, которая приводила бы к предрешению виновности. Но грань (внятный критерий такой степени) найти не так просто.

Современное нормативное регулирование рассматриваемой стадии стремится максимально освободить суд от оценки результатов предварительного расследования. Этого требует подчеркнутая в законе нейтральность суда. Суд не отвечает за качество деятельности стороны обвинения. Но тогда в чем состоит контрольная функция стадии? Это один из основных вопросов, который встает перед обучающимися. Он (данный вопрос) может быть сформулирован с некоторым эмоциональным эпатажем следующим образом: в наше время, в условиях охранительного уголовного процесса, оказаться на скамье подсудимых перед гласным судом — это событие, само по себе позорящее человека? Сам факт нахождения в зале суда по уголовному обвинению, которое в силу некачественности может завершиться оправданием, — это обстоятельство, которое свидетельствует о невыполнении судом своего предназначения в стадии, предваряющей судебное рассмотрение дела по существу? Если это так, то, принимая дело к производству, суд обязан отфильтровать некачественное обвинение. Но есть ли для этого средства, не будет ли разрушена нейтральность суда вынужденным (пусть и косвенным) предрешением вопроса о виновности подсудимого?

Познавая порядок назначения и подготовки судебного разбирательства, обучающиеся задумываются над тем, сохраняет ли в настоящее время рассматриваемая стадия свои существенные признаки или отнесение предания суду (пусть и под другим наименованием) к судебному производству — это просто дань традиции.

Исторически известны три основных подхода к организации промежуточного (передаточного) производства, находящегося на стыке предварительного расследования и судебного разбирательства. Один из них — предание суду — осуществляется исключительно прокурором. Это функция обвинительной власти. Суд, сохраняя полную отстраненность от существа дела и качества обвинения, принимает дело в том виде, в котором оно поступило. На скамью подсудимых человека «посадили» ор-

ганы уголовного преследования, которые и несут за это ответственность непосредственно перед подсудимым, обществом и государством. Суд к этому отношения не имеет. Принимая уголовное дело, он производит определенные действия, направленные на подготовку предстоящего судебного разбирательства, но они не образуют содержания, характерного для стадии уголовного процесса.

Другой подход состоит в смешанном характере промежуточного производства, которое включает как прокурорскую составляющую, так и судебную. Фактически в современном российском уголовном процессе так и происходит. Однако официально выделяется именно судебная стадия, правда со значительно ослабленными (практически отсутствующими) полномочиями по влиянию на осуществляемое прокурором уголовное преследование. Деятельность прокурора по проверке качества произведенного расследования и передаче дела в суд не только не отнесена к преданию суду, но и вообще выпадает из системы стадий уголовного судопроизводства (не отнесена ни к одной из них).

Согласно третьей концепции, предание суду — это исключительно судебная функция, подразумевающая всесторонний контроль суда за осуществленным досудебным производством (включая достаточность собранных доказательств и правильность квалификации содеянного) и выражающаяся в разрешении судом вопросов, связанных с оценкой качества предварительного расследования и подготовительными действиями к судебному разбирательству. Такой подход был реализован в советском уголовном процессе.

На научном уровне вопросы предания суду изложены в литературе с достаточной обстоятельностью и глубиной². Однако понимание научных трактовок первой судебной стадии требует времени и хотя бы минимальной подготовки. Прочтения действующего законодательства будет недо-

² *Гальперин И. М., Лукашевич В. З.* Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1965 ; *Видря М. М.* Предание суду как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности : учеб. пособие. Краснодар, 1981 ; *Лазарева В. А.* Предварительное судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации : учеб. пособие. Самара, 2000 ; *Гуськова А. П.* Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. Оренбург, 2002 ; *Юркевич Н. А.* Институт предания суду в России от реформы до реформы. Томск, 2003 ; *Ковтун Н. Н., Юнусов А. А.* Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации : учеб. пособие. Казань, 2005 ; *Юркевич Н. А.* Промежуточное производство в системе уголовного процесса России. История, теория и практика, перспективы развития. Томск, 2009 ; *Курьшова Н. С., Ишимов П. Л.* Подготовка к судебному заседанию в российском уголовном процессе : монография. М., 2011.

статочно, поскольку современное регулирование отражает только один из возможных подходов и он не может быть до конца понят без исторического контекста.

Цель настоящего учебного пособия сугубо методическая — дать обучающимся адаптированную к студенческому уровню интерпретацию как имеющегося, так и ранее действовавшего законодательства, а также научных представлений о первой судебной стадии, которая поможет ориентироваться в более глубоких фундаментальных исследованиях.

Для удобства восприятия материала еще раз сделаем акцент на том, какая уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая между завершением предварительного расследования и началом судебного разбирательства, будет предметом нашего внимания. Это, во-первых, деятельность прокурора по поступившему к нему уголовному делу, завершающаяся утверждением итогового обвинительного документа и передачей дела в суд; во-вторых, деятельность суда, связанная с осуществляемой с той или иной степенью глубины оценкой материалов уголовного дела; в-третьих, имеющие процессуальный характер организационно-распорядительные действия по подготовке к судебному разбирательству. Из этих трех компонентов (своеобразных конструктивных элементов, блоков), наполненных в разное время и в различных правовых системах конкретным правовым регулированием, будем составлять содержание интересующей нас стадии процесса.

§ 1. Очерк порядка предания суду (назначения и подготовки судебного разбирательства) по досоветскому, советскому, постперестроечному и действующему законодательству

1.1. Предание суду по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.

Нормы, регламентирующие порядок предания суду во всех трех обозначенных аспектах (деятельность прокурора, контроль суда за качеством досудебного производства, подготовительные действия к судебному разбирательству), в основном, сосредоточены в разделах третьем «О порядке предания суду» (ст. ст. 510–542) и четвертом «О производстве в окружных судах» (ст. ст. 543–589) Книги второй «Порядок производства в общих судебных местах». Кроме того, специальное регулирование осуществлено в ст. ст. 1044–1049 (предание суду по государственным преступлениям), 1080–1087 (предание суду за должностные преступления, совершенные должностными лицами судебного ведомства), 1088–1102 (предание суду за должностные преступления, совершенные должностными лицами административных ведомств) Книги третьей «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства». Таким образом, выделялся общий и специальный порядок предания суду.

Общий порядок был дифференцированным — в зависимости от тяжести преступления и, соответственно, вида возможного наказания. Наиболее развитой процессуальной формой обладал порядок предания суду по подсудным окружным судам уголовным делам, за которые было предусмотрено наказание в виде «лишения или ограничения прав состояния».

По окончании предварительного следствия судебный следователь не составлял итогового документа, аналогичного современному обвинительному заключению. Ознакомив обвиняемого с материалами следственного производства и проверив указанные им новые обстоятельства, следователь отсылал все производство прокурору окружного суда (ст. ст. 476–478), обязанному рассмотреть «следует ли обвиняемого пре-

дать суду или же дело о нем должно быть прекращено или приостановлено» (п. 3 ст. 510). Решение прокурора основывалось на анализе качества произведенного следствия. В случае его неполноты прокурор мог реализовать предоставленное ему право «потребовать дополнительные сведения или обратиться к дознанию» (ст. 512). Заключение прокурора о предании обвиняемого суду излагалось в форме обвинительного акта, где «означались»: событие преступления, сведения о личности обвиняемого, доказательства, собранные против обвиняемого, «определение по закону, какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния», прилагался список лиц, которые, по мнению прокурора, должны быть вызваны «к судебному следствию» (ст. ст. 519–521). Свое решение прокурор должен был принять в течение недели «от времени» получения следственного производства.

Предание обвиняемого суду в форме обвинительного акта прокурора основывалось на глубоком внутреннем убеждении прокурора в совершении лицом преступления. Прокурор от своего имени ходатайствовал перед судом о рассмотрении материалов производства, признании лица виновным и назначении ему наказания. Импульс к судопроизводству по конкретному событию исходил от обвинительной власти. Показывая это, закон тем самым обозначал, что обвинение инициирует не суд. По действующему законодательству практически аналогичные действия прокурора преданием суду формально не названы, а само понятие «предание суду» из закона исключено.

Однако представление прокурором обвинительного акта было лишь первым уровнем предания суду. Вторым уровнем выступало предание суду, осуществляемое вышестоящим по отношению к окружному суду судебным органом — судебной палатой, в которую дело поступало через прокурора судебной палаты (ст. 529).

Судебная составляющая предания суду также заключалась в контроле качества следственного производства: «член-докладчик излагает словесно повод, по которому возникло дело, и все следственные действия, обращая внимание на соблюдение установленных форм и обрядов и прочитывая в подлиннике протоколы, имеющие существенное в деле значение» (ст. 531). Оценке подлежала не только формальная сторона следствия, но и его полнота. Палата обладала широкими полномочиями. Согласно ст. 534, «признав следствие достаточно полным и произведенным без нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства, палата постановляет окончательное определение о предании суду или о прекращении дела, а в противном случае обращает его к дознанию или законному направлению». При этом палата не могла выйти за пределы об-

винительного акта прокурора и предать суду не указанных в обвинительном акте лиц, тем не менее она была вправе изменить обвинительный акт, приняв определение, которое «вполне заменяло собой этот акт» (ст. 537). Как можно понять, закон не ограничивал палату в корректировке описания события преступления и его квалификации. Свободна была палата и в определении «свидетелей и сведущих лиц, которые, по ее мнению, должны быть призваны в суд» (ст. 538). Судебная палата могла вынести определение о предании суду обвиняемого, «о котором прокурор окружного суда полагал прекратить дело» (ст. 539).

Итак, судебная палата была весьма активной в оценке следственного производства и свободной в принятии решений. Даже тех полномочий, которые приведены, достаточно, чтобы современник увидел признаки предрешения окончательным определением о предании суду вопроса о виновности обвиняемого.

Между тем проблема предрешения окончательного вывода суда на самом деле не возникала как минимум в силу двух обстоятельств. Устав четко определял, что предание суду исходит от обвинительной власти. Суд не инициирует производство, он проявляет активность после активности прокурора с определенной целью — не допустить предание обвиняемого суду по неподготовленному обвинению и обеспечить неотвратимость ответственности, когда в следственном производстве имеются для этого предпосылки. Кроме того (это, пожалуй, главное), окончательное предание суду осуществлял вышестоящий суд по отношению к окружному суду, которому предстояло рассмотреть дело. В связи с этим по существу дела высказывался суд, не причастный к преданию подсудимого суду.

Определение судебной палаты о предании суду поступало в окружной суд через прокурора суда, на которого возлагалась обязанность исполнить это определение в части избрания меры пресечения. Остальные подготовительные действия, по современному законодательству являющиеся частью стадии назначения и подготовки судебного разбирательства (предания суду), а по УУС выступали самостоятельным этапом судебной деятельности, следовавшим после предания суду до начала рассмотрения дела, осуществлял окружной суд. На данном этапе проводилось распорядительное заседание, на котором закреплялся порядок дальнейшего производства, разрешались все жалобы и заявления процедурного характера, по жребию отбирались основные и запасные присяжные заседатели (ст. ст. 547, 548, 550–553), обвиняемому вручались копии обвинительного акта и списка лиц, необходимых для вызова в суд (ст. 556). В зависимости от содержания и характера ходатайств, разрешались во-

просы, связанные с обеспечением участия защитника (ст. 557), вызовом дополнительных свидетелей (ст. 575), ознакомлением с подлинными материалами дела (ст. 570), участием переводчика (ст. ст. 579, 580) и др. Председательствующий назначал место и время судебного заседания, о чем вывешивалось объявление (ст. ст. 586, 587).

Таковым был наиболее развитый (полный) общий порядок предания суду по тяжким преступлениям, подсудным окружным судам с участием присяжных заседателей. *Формально к преданию суду относились деятельность прокурора и вышестоящего суда — судебной палаты, представлявшие два уровня предания суду. Подготовительные действия к судебному заседанию не относились к преданию суду и осуществлялись непосредственно окружным судом, рассматривавшим дело. Оптимальным в изложенном подходе выступает то обстоятельство, что четко определено место прокурора в механизме предания суду, чего нельзя сказать о современном законодательстве. В результате отнесения функции предания суду на первом этапе к прокурорской власти, а на втором — к деятельности вышестоящего суда по отношению к суду, рассматривающему дело по существу, удавалось избежать предрешиения итоговых выводов суда. Обвинительная и судебная власти осуществляли полноценный контроль за качеством следственного производства с позиций законности и полноты исследования события преступления, правильности его квалификации. «Двойной» контроль предотвращал случаи передачи для непосредственного рассмотрения в суде недостаточно подготовленного производства. Активность суда была столь высокой, что позволяла передать обвиняемого суду и в тех случаях, когда прокурор находил производство подлежащим прекращению.*

Общий порядок предания суду, реализуемый в упрощенном виде при совершении менее значимого преступления («не подвергающему ни лишению, ни ограничению прав состояния»), был одноуровневым и заключался в составлении и передаче прокурором обвинительного акта в окружной суд (ст. 523). По делам, преследуемым в порядке частного обвинения, обвинительный акт вообще не составлялся, а дело передавалось в суд с жалобой частного обвинителя (ст. 526). По данным двум категориям дел судебной составляющей предания суду, в ходе которой контролировалось бы качество поступающего для рассмотрения следственного производства или материала, не было совсем: «окружной суд ни по обвинительным актам прокурора, ни по жалобам частных обвинителей не постановляет определений о предании обвиняемых суду, но приступает непосредственно к производству по правилам предписанных для подгото-

вительных к суду распоряжений» (ст. 527). *Значит, предание суду по менее значимым делам публичного обвинения осуществлялось исключительно обвинительной властью.*

Специальный порядок по делам о государственных преступлениях, преступлениях по должности, в том числе совершенных должностными лицами судебного ведомства, предусматривал различные дополнительные процедурные нюансы (например, необходимость согласования обвинения с «начальством» обвиняемого), однако не отменял общих подходов к преданию суду. Неизменным, в частности, оставался принцип разделения компетенции суда, принимающего решение о предании суду, и суда, окончательно разрешающего дело по существу. Так, поскольку государственные преступления рассматривались по первой инстанции уголовным департаментом судебной палаты, то утверждение обвинительного акта прокурора осуществлялось гражданским департаментом палаты (ст. 1045). В зависимости от категории должности предание суду должностных лиц судебного ведомства осуществлялось по постановлениям судебной палаты или по постановлениям кассационного департамента Сената (ст. 1080), что свидетельствует о высоком уровне контроля на этой стадии за качеством следственных производств.

1.2. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному законодательству

Первые законодательные акты новой советской власти, установившейся с октября 1917 г., провозгласили практически полный отказ от использования законов царского самодержавия. В научных работах дан детальный анализ нюансов, связанных с порядком предания суду, закрепленных в первых советских декретах и положениях, которые определяли порядок уголовного судопроизводства до принятия кодифицированного уголовно-процессуального законодательства. С учетом методической цели настоящего пособия, направленного на формирование базовых представлений о формах организации промежуточного производства между предварительным и судебным следствием, остановимся на порядке предания суду, сформировавшемся в УПК 1922 г., а затем в его уточненной редакции от 15 февраля 1923 г. (далее — УПК 1923 г.). В данном кодексе первый советский опыт организации предания суду получил более или менее завершенное оформление. Вопреки мнению, что советское законодательство полностью отказалось от подходов к организации предания суду, изложенных в УУС, проведенный нами анализ показывает, что преемственность была существенной. Субъектами предания суду (как и по УУС) выступали прокурор и суд, причем в окончательном виде

по наиболее тяжким преступлениям функция предания суду оставалась в компетенции суда.

Отметим широкий круг полномочий и высокую активность суда в оценке материалов предварительного расследования и определении перспектив уголовного преследования. Суд принимал решение о предании обвиняемого суду не только тогда, когда этого добивался прокурор, но и в случаях поступления к нему дела с постановлением о прекращении предварительного следствия. Суд имел право возвратить дело для производства дальнейшего следствия со своими конкретными указаниями (ст. 203).

Порядок предания суду различался в зависимости от формы расследования. По-прежнему наиболее развитым был порядок предания суду по делам, находившимся в производстве следователей. После того, как следователь устанавливал событие преступления и другие юридически значимые обстоятельства, он приступал к составлению обвинительного заключения, которое вместе с делом направлял прокурору для предания обвиняемого суду (ст. 206). Хотя в этой статье употреблялся термин «предание суду», надо полагать, следователь эту функцию не осуществлял. Формально, исходя из названия глав 19 «Действия прокурора по прекращению дела и по преданию суду» и 20 «Действия суда по прекращению дела и по преданию суду», предание суду входило в компетенцию прокурора и суда, к подсудности которого отнесено рассмотрение данного дела.

«Признав, что дело достаточно выяснено» (сформулировав вывод, что следствие проведено всесторонне, полно и объективно) и имеются основания для предания обвиняемого суду, прокурор сообщал суду о согласии с обвинительным заключением и предлагал суду «утвердить такое и предать обвиняемого суду» (ст. 229). Суд рассматривал поступившее дело в распорядительном заседании: коллегиально в составе судьи и народных заседателей при участии прокурора. Распорядительное заседание рассматривало следующие вопросы: 1) достаточно ли обосновано предъявленное обвинение; 2) правильно ли описана фактическая сторона содеянного; 3) правильно ли дана квалификация преступления; 4) подлежит ли изменению список лиц, вызываемых в судебное заседание (ст. 236). Изучение этих вопросов может привести к выводу о глубоком погружении суда в качество расследования и возникновении проблемы предпрещения актом предания суду итогового приговора. Еще раз сделаем акцент, что, в отличие от дореволюционного законодательства, предание суду осуществляла не вышестоящая судебная инстанция, а суд, непосредственно рассматривающий дело. Однако в целях недопущения полного исследования судом собранных доказательств на этапе предварительного

го ознакомления с делом законодатель снабдил ст. 236 приложением следующего содержания: «Распорядительное заседание ограничивается рассмотрением обвинительного заключения и не может рассматривать актов предварительного следствия».

Несмотря на четкий посыл законодателя, как отмечалось в литературе, данное ограничение оказалось нежизненным, многие судьи добросовестно изучали все материалы предварительного следствия. Само примечание подвергалось критике, поскольку «в силу формального характера проверки обвинительного заключения, распорядительное заседание не могло стать органом действительного контроля за следствием и неминуемо должно было превратиться в механический аппарат для штампования обвинительных заключений, утвержденных прокурором»³. Вскоре примечание было отменено. Трудно однозначно оценить этот шаг. Уже в то время возникла проблема, которая перманентно преследует рассматриваемую стадию: суд либо изучает все материалы дела и заранее формирует свое убеждение о виновности обвиняемого, либо, не «погружаясь» в собранные доказательства, относится к акту предания суду формально. И далее: борьба с формализмом требует более тщательного контроля со стороны суда за всесторонностью, полнотой и объективностью следствия, т. е. повышения обоснованности предания суду. Но повышение обоснованности предания суду сопряжено с предрешением вопроса о виновности обвиняемого, поскольку восприятие грани между этими правовыми явлениями (если она существует в принципе) требует обладания высокой процессуальной культурой. На фоне сложности в определении истинного места суда в механизме предания суду позже на непродолжительный период практика и законодательство качнулись в сторону предания суду обвинительной властью.

Помимо вопросов, связанных с оценкой качества предварительного следствия и собственно преданием суду, распорядительное заседание и позже судья единолично решали проблемы, относящиеся к организации предстоящего судебного разбирательства и обеспечению прав обвиняемого: о мере пресечения, ознакомлении с обвинительным заключением, разъяснении прав обвиняемому, рассмотрении ходатайств, определении места и даты судебного заседания и др.

Таким был порядок предания суду по делам, по которым проводилось предварительное следствие. По делам, требующим дознания, порядок предания суду был иным. Он различался в зависимости от тяжести преступле-

³ Перлов И. Д. Указ. соч. С. 97.

ния. Если дознанием были добыты данные, изобличающие лицо в совершении преступления, за которое могло быть назначено наказание в виде лишения свободы до одного года, то весь материал дознания направлялся непосредственно в суд, которому подсудно это дело (п. 2 ст. 105). Народный судья по такому делу в зависимости от обстоятельств принимал решение о производстве дознания или следствия, о прекращении дела либо о предании обвиняемого суду и назначении дела к слушанию. В случае предания обвиняемого суду народный судья самостоятельно формулировал сущность обвинения в посылаемой обвиняемому повестке (ст. 233). Как видно, здесь функции предания суду, контроля качества дознания и выдвигания обвинения практически сливались.

По делам о преступлениях, наказываемых лишением свободы на срок свыше одного года, орган дознания направлял дело прокурору (п. 3 ст. 105). Изучив дело и найдя соответствующие основания, прокурор выносил постановление о предании обвиняемого суду, которое фактически содержало в себе существо обвинения, и вместе с делом направлял в суд (ст. ст. 222, 223). Как следует из смысла закона, суд по такому делу не производил никаких проверочных действий, не оценивал качество материала, а лишь обязан был назначить дело к слушанию в судебном заседании (ст. 234). Функцию предания суду полностью выполнил представитель обвинительной власти.

Таким образом, порядок предания суду в первой редакции УПК 1923 г. был дифференцированным. Наиболее развитая его процедура сочетала предание суду обвинительной и судебной властями и содержала все три вычлененные нами составляющие предания суду. Суд в распорядительном заседании обладал широкими полномочиями по контролю за качеством собранного обвинительного материала, не допуская судебного разбирательства при недостаточности обвинительных улик. Суд возвращал дело к доследованию со своими указаниями, также он имел право прекратить уголовное дело. Существенное значение приобрела проблема подмены распорядительным заседанием непосредственного рассмотрения дела, поскольку проверка обоснованности обвинения тесно смыкалась с предрешением выводов, которые должны иметь место только в приговоре. По современным меркам подобная высокая активность суда по контролю за качеством досудебного производства считалась бы чрезмерной. Закон регламентировал подготовительные действия суда и судьи единолично, тесно примыкающие к акту предания суду. По наиболее простым делам предание суду осуществлялось либо непосредственно судьей, либо исключительно прокурором.

Обозначенная нами конфигурация стадии предания суду на основе анализа первой редакции УПК 1923 г. не была застывшей и неизменной. В то время велись активные дискуссии, направленные на оптимизацию предания суду, совершенствовалось законодательство. Так, обращение к тому же УПК в редакции постановления ВЦИК и СНК от 20 октября 1929 г. выявляет иную картину предания суду. Глава 19 стала называться «Действия следователя и прокурора по прекращению дела и преданию суду», а глава 20 «Действия суда до разбора дела». Уже прочтение названий позволяет высказать предположение, что предание суду стало исключительной функцией обвинительной власти, а не суда. Об этом свидетельствуют многие нормы. Срок дознания «не может продолжаться более одного месяца, включая в этот срок также акт предания суду» (ст. 105). Акт предания суду включался и в содержание предварительного следствия (ст. 116). Одним из оснований прекращения уголовного дела была «недостаточность улик для предания обвиняемого суду» (ст. 204). Следователь заканчивал расследование, если признавал «добытые данные достаточными для предания суду» (ст. 206). Органы дознания направляли законченное производством дело следователю, осуществлявшему за ними надзор, следователь направлял расследованное им дело прокурору. Следователь и прокурор, соглашаясь с результатами расследования, «утверждают обвинительное заключение краткой резолюцией, что является преданием подследственного суду» (ст. 221). Получив дело непосредственно от органа, производящего расследование, народный судья, «если признает расследование достаточным, утверждает обвинительное заключение и назначает дело к слушанию» (ст. 234). Обратим внимание, что судья принимал решение не о предании обвиняемого суду, а о назначении дела к рассмотрению, что созвучно современному регулированию. Судья «назначал к слушанию» (а не предавал обвиняемых суду) даже те дела о малозначительных преступлениях, которые поступали к нему, минуя следователя.

Надо признать, что нормативный переход к преданию суду следственной и прокурорской властью был во многом формальным. Судья имел право возратить дело к доследованию и прекратить производство (ст. 234). Он мог внести дело в подготовительное заседание в случаях выявленной при изучении дела неполноты предварительного расследования, при несогласии с квалификацией преступления и даже с самим решением органа расследования о предании суду (ст. 236). Судья оставался активным, сохраняя влияние на качество обвинительной деятельности по тем делам, рассмотрение которых ему предстояло осуществить. Более того, согласившись с решением о предании суду в принципе, но не удовлетворившись качеством обвинительного заключения, председателю

ствующий составлял новое обвинительное заключение (ст. 238). В этом, а также в том, что суд возвращал дело к доследованию, вручал обвинительное заключение, в настоящее время юристы усматривают признаки несвойственной суду обвинительной деятельности.

Таким образом, на одном из этапов своего действия УПК РСФСР 1923 г. предложил формально обвинительную модель предания суду, основанную на принятии данного решения органами предварительного расследования и надзора. Однако полностью вывести суд из этого процесса, сменив терминологию, не удалось. Суд по-прежнему оценивал качество досудебного производства и активно влиял на него.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. (далее — УПК 1960 г.) исходил из того, что предание суду — это исключительно судебная функция. Раздел третий «Производство в суде первой инстанции» начинался с главы 20 «Предание обвиняемого суду и подготовительные действия к судебному заседанию». Такая структура закона красноречиво свидетельствовала, что предание суду осуществляет не прокурор, не прокурор и суд совместно, а только суд. Это не означает, что деятельность прокурора по надзору за законностью расследования и утверждению обвинительного заключения кардинально изменилась или исчезла из закона совсем. Нет, просто она не стала именоваться преданием суду.

Таким акцентом законодатель показал, что центральным звеном в механизме предания суду выступает судебная власть, которая полностью отвечает за помещение уголовно преследуемого лица на скамью подсудимых в целях исследования и разрешения в судебном заседании вопроса о его виновности или невиновности. В теории уголовного процесса стала выделяться самостоятельная судебная стадия — «предание суду»⁴, или в более полном варианте названия «предание обвиняемого суду и подготовительные действия к судебному заседанию»⁵, включающая контроль суда за предварительным расследованием⁶ и подготовительные действия к судебному разбирательству.

⁴ Профессор М. С. Строгович давал следующее определение стадии предания суду: «Предание суду — стадия уголовного процесса, которая заключается в том, что суд в установленном законом процессуальном порядке решает вопрос о достаточности представленных ему фактических данных и о наличии юридических оснований для разрешения в судебном разбирательстве вопроса о виновности привлеченных к уголовной ответственности лиц» (*Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 181*).

⁵ *Михайлова Т. А. Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 3.*

⁶ В литературе подчеркивалась надзорная функция суда на данном этапе (*Видра М. М. Указ. соч. С. 7–9*).

Столь существенная задача, поставленная перед судом на первой стадии судебной деятельности, потребовала рельефно обозначить полномочия суда по проверке качества досудебного производства. В отношении каждого из обвиняемых суд выяснял, в частности, следующие вопросы: содержит ли деяние, вменяемое в вину обвиняемому, состав преступления; собраны ли по делу доказательства, достаточные для его рассмотрения в судебном заседании; правильно ли применен к деяниям, вменяемым обвиняемому, уголовный закон и т. д. (ст. 222). Суд имел право возвратить дело для дополнительного расследования или прекратить его по любому, в том числе реабилитирующему, основанию.

Следует отметить, что это были принципиально новые для суда полномочия. В том или ином виде они были присущи суду и ранее. Однако по новому закону это была *не факультативная деятельность суда, следовавшая после состоявшегося прокурорского предания суду, а основная, отражающая саму суть судебной работы на этом этапе движения дела, обеспечивающая обоснованность главного решения стадии — предания обвиняемого суду.*

Новый порядок предания суду не был дифференцирован в зависимости от тяжести преступления и формы предварительного расследования. По каждому делу суд выяснял одинаковый круг вопросов и принимал одни и те же решения. Как правило, судья действовал единолично без участия сторон. Однако предусматривалось проведение распорядительного заседания, т. е. суд действовал в составе судьи и двух народных заседателей. Участие прокурора было обязательным. В распорядительное заседание для дачи объяснений могли быть вызваны лица, заявившие ходатайства (ст. ст. 224, 225). Первоначально проведение распорядительного заседания предусматривалось в случаях несогласия суда с выводами обвинительного заключения или необходимости изменить меру пресечения, позже дополнительно по всем делам о преступлениях несовершеннолетних и преступлениях, за которые в качестве меры наказания могла быть назначена смертная казнь. Еще позже Пленум Верховного Суда РФ отнес сюда и случаи принятия решения о проведении закрытого судебного разбирательства.

В законе были детально обозначены два круга вопросов, подлежащих выяснению и разрешению судом. Это вопросы, разрешаемые соответственно до принятия решения о предании суду и после предания суду в целях подготовки к предстоящему судебному разбирательству. Стадия предания суду состояла как бы из двух частей. В соответствии с учением о стадийности первая часть стадии была направлена на контроль за качеством выполнения задач в предыдущих стадиях, вторая — на обеспечение деятельности в последующей стадии.

Подобный подход сохраняется до настоящего времени, однако скорее формально, чем содержательно. На это еще будет обращено внимание. Пока скажем, что по УПК 1960 г. стадия предания суду фактически была нацелена на глубокое исследование качества осуществляемого органами расследования и прокурором уголовного преследования⁷. По действующему законодательству в силу идеи нейтральности суда у него практически нет полномочий по влиянию на пределы осуществляемого уголовного преследования.

Говоря о «глубоком исследовании качества уголовного преследования», необходимо отметить, что степень этой глубины понималась по-разному. Возникла уже знакомая нам проблема предрешиения приговора актом предания суду⁸. В условиях, когда предание суду осуществля-

⁷ На официальном уровне такой вывод обычно смягчался, более того, делался акцент на его ошибочности. Так, профессор М. С. Строгович писал, что «в стадии предания суду не решается вопрос о виновности обвиняемого: это относится к компетенции суда в следующей стадии процесса — в судебном разбирательстве... В стадии же предания суду решается более узкий, предварительный вопрос: достаточно ли данных для того, чтобы поставить дело на судебное разбирательство, обоснованы ли выводы обвинительного заключения с точки зрения закона и фактических обстоятельств дела» (Строгович М. С. Указ. соч. С. 181). Эти слова заучивались как данность, но в сознании оставались неразрешенные сомнения. Использованы сильные слова: «*поставить дело* на судебное разбирательство», «*обоснованы ли выводы с точки зрения фактических обстоятельств дела*», и при этом необходимо было соблюдать не очень четко очерченные пределы, выход за которые недопустим.

⁸ Неправильно полагать, что предрешиение актом предания суду приговора носило абсолютный характер, было фатальным и у судьи не оставалось иного выбора, как признать лицо виновным. Речь идет лишь о предпосылках для возможной связанности судьи, принявшего решение о предании суду, данным решением. Кстати, сами судьи никогда не были склонны признавать наличие такой связанности. Чтобы нашему современнику лучше понять суть проблематики, можно провести некоторую аналогию с ситуацией, когда один и тот же судья принимает решение о заключении обвиняемого под стражу, а затем рассматривает поступившее в отношении него уголовное дело по существу. Известно, что законодатель первоначально запретил рассмотрение дела судьей, заключившим лицо под стражу. По причинам организационно-штатного характера этот запрет был снят. Верховный Суд РФ неоднократно уточнял свою позицию о возможности суда, рассматривающего ходатайство о заключении под стражу, «поддрузиться» в степень обоснованности подозрения преследуемого лица и постоянно напоминает о недопустимости преждевременного предрешиения вопроса о виновности. Судьи также не склонны признавать, что арестом лица они предрешают свои выводы по итогам судебного разбирательства. Но объективно проблема существует. В литературе отмечается, что при последовательном применении принципа независимости, объективности и беспристрастности судей «даже сам судебный орган, судья

ет не прокурор, а суд, рассматривающий дело по существу, данное решение стало ключевым в производстве, предшествующем судебному разбирательству. Решение о предании суду вышло на первый план, что обнажило позицию суда, которая гласит: «доказательств для рассмотрения дела достаточно». Раньше суд так высказывался после такого же утверждения прокурора, и его констатация была вторичной. Суд был факультативным, не основным участником на этапе между досудебным и судебным производством. Добавим к этому, что по УУС второй уровень предания суду (после прокурора) осуществлялся судом вышестоящей инстанции. В рамках УПК 1960 г., кроме суда, никто официально вывод о достаточности доказательств для рассмотрения дела по существу не делал.

Пытаясь скорректировать правосознание судей, законодатель указал, что «судья при наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании, не предрешая вопроса о виновности, выносит постановление о предании обвиняемого суду» (ч. 1 ст. 221). Несмотря на законодательное указание, проблема предрешения выводов в приговоре или ее противоположное проявление — формальное отношение к изучению материалов расследования — продолжала оставаться актуальной на протяжении всего времени действия главы 20 УПК 1960 г. На данную проблему обращалось внимание в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 ноября 1980 г. № 8 «О практике применения судами законодательства при предании обвиняемого суду». Правда постановление подавало ее как проявление частных, субъективных нарушений закона: «В ряде постановлений и определений о предании обвиняемого суду дается оценка достоверности доказательств, предрешается вопрос о виновности обвиняемого». Вслед за законодателем Пленум требовал назначать к рассмотрению в судебном заседании лишь те дела, по которым имеются достаточные основания для предания обвиняемого суду. Он указывал, что «при предании обвиняемого суду доказательства оцениваются только с точки зрения их достаточности для рассмотрения дела в судебном заседании. При этом судья или суд не вправе предрешать вопрос о виновности обвиняемого» (п. 1).

которого заключал обвиняемого под стражу и продлевал сроки этой меры пресечения, не должен в лице других своих судей разрешать такое дело по существу» (*Смирнов А. В.* Конституционный уголовный процесс // *Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства* : сб. ст. по мат-лам всерос. науч.-практ. конф., 22 марта 2013 г. / сост. К. Б. Калиновский, Т. В. Соколов. СПб., 2013. С. 49). То же можно сказать о проблеме предрешения приговора актом предания суду. Последующие шаги по реформированию стадии красноречиво это подтверждают.

В научных публикациях приводились данные, подтверждающие, на взгляд авторов, формальный подход судей к стадии предания суду⁹, обсуждались пути преодоления формализма при предании суду¹⁰. Случаи оправдательных приговоров, прекращения уголовных дел, изменения квалификации преступлений на стадии судебного разбирательства рассматривались как недостаток предыдущей стадии. По нашему мнению, формальное отношение к выполнению задач, стоящих перед стадией предания суду (если допустить, что оно имело место), предопределено условиями, в которых приходилось действовать. Как оценить достаточность доказательств для предания обвиняемого суду без оценки их достоверности? Судья был обязан прекратить уголовное дело, в том числе по реабилитирующим основаниям (отсутствие события или состава преступления, недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления), но понимание, что таких оснований нет, фактически равно пониманию, что лицо причастно к совершению преступления¹¹. Поэтому суды старались не вникать в вопросы достаточности доказательств и правильности квалификации¹². Судебное разбирательство все покажет.

⁹ Михайлова Т. А. Указ. соч. С. 57–64.

¹⁰ Бирюков Е. Резонанс (обсуждение статьи Г. Колбая «Предание суду: пути преодоления формализма») // Социалистическая законность. 1989. № 7. С. 31, 32.

¹¹ В рецензии на работу М. М. Выдри «Предание суду как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности» П. Давыдов и А. Евсютина писали: «Неоднозначны высказывания автора относительно виновности. Так, на с. 11 он говорит о том, что в стадии предания суду вопрос о виновности не затрагивается, а далее (с. 23–24) утверждается о возможности установления здесь невиновности. Но как можно прийти к выводу о невиновности, не затрагивая вопроса о виновности?» (Советская юстиция. 1984. № 4. С. 28).

¹² Будучи много лет народным заседателем, автор данных строк многократно сталкивался с тем, что судья не изучает глубоко уголовное дело до судебного разбирательства. Народный заседатель, интересующийся уголовным процессом и дороживший каждой возможностью вникнуть в материализованные результаты уголовно-процессуальной деятельности, как правило, знал дело лучше. Как к этому отнестись? Может быть, в таком отношении судей была высшая мудрость — все фактические обстоятельства дела следует познавать через непосредственное исследование доказательств. Народный заседатель пытался найти для себя основания понять позицию судей и в тех случаях, когда ему перед судебным заседанием предлагали подписать определение распорядительного заседания, якобы имевшего место, например, по делам о преступлениях несовершеннолетних. Распорядительные заседания проводились формально, потому что формальными были к этому отдельные основания: не внутренняя потребность что-то обсудить, а сам факт, например, несовершеннолетия обвиняемого или наличие в санкции наказания в виде смертной казни. Судьи, будучи высоко профессионально подготовленными, хорошо справлялись с задачей уста-

Таким образом, УПК РСФСР 1960 г. предусматривал, что предание суду является судебной стадией. Основным субъектом предания суду был суд (в лице судьи или судьи и народных заседателей), которому подсудно уголовное дело. Судья, действуя единолично или в распорядительном заседании, был ориентирован и уполномочен осуществить всесторонний и полный контроль качества предварительного расследования. На суде лежала ответственность за внесение в стадию судебного разбирательства «неподготовленного» дела, по которому не собрано доказательств, достаточных для рассмотрения дела по существу. Суд был уполномочен возвратить дело для дополнительного расследования или прекратить его по любому основанию. На протяжении многих лет такая концепция стадии не вызывала никаких сомнений. Однако впоследствии встал вопрос о том, что столь высокая активность суда выводит его полномочия за пределы полномочий по осуществлению правосудия, не согласуется с нейтральной ролью суда в состязательном уголовном процессе, в частности, право суда возвратить дело для дополнительного расследования перерастает в выполнение несвойственной суду функции обвинения. В силу этих обстоятельств в одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. Концепции судебной реформы в РСФСР предлагалось исходить из того, «что документом предания суду является обвинительный акт прокурора». Судья же, говорилось в документе далее, изучает дело только с точки зрения правильности составления обвинительного акта и наличия в деле необходимых материалов, не вдаваясь, однако, в содержание документов. Обнаружив формальные нарушения, судья отказывается принять дело к производству и возвращает его прокурору¹³.

1.3. Назначение и подготовка к судебному заседанию в соответствии с главой 20 УПК РСФСР 1960 г. в редакции Закона РФ¹⁴ от 29 мая 1992 г.

Изменение представлений о роли и месте суда в состязательном уголовном процессе, выход на первый план идеи независимости и беспристрастности судебной власти привели к существенной корректировке главы 20 УПК 1960 г. В частности, в новом законе:

новления истины в ходе судебного разбирательства, но, предварительно просматривая дело, выявляли в нем только формальные обстоятельства, препятствующие постановлению приговора, стараясь не исправлять квалификацию преступления и не вмешиваться в объем обвинения решениями о прекращении дела в части.

¹³ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 93, 94.

¹⁴ О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР : закон Российской Федерации от 29 мая 1992 г. № 2869-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— изменено наименование главы. Термин «предание суду» ушел в прошлое и с тех пор в российском уголовном процессе не используется. Глава получила нейтральное наименование «Полномочия судьи до судебного разбирательства дела и подготовительные действия к судебному разбирательству». Основным решением стадии стало не «предание суду», а «назначение судебного заседания»;

— существенно сокращен и отредактирован круг вопросов, подлежащих выяснению в отношении каждого из обвиняемых. Так, исключены такие вопросы, как «содержит ли деяние, вменяемое обвиняемому, состав преступления», «соблюдены ли при возбуждении дела, производстве дознания или предварительного следствия требования настоящего Кодекса», «правильно ли применен к деяниям, вменяемым обвиняемому, уголовный закон»;

— устранена коллегиальная деятельность суда в распорядительном заседании. Отныне все вопросы, относящиеся к компетенции суда, судья решает единолично вне какого-либо заседания¹⁵. При этом судья получил право вызывать для объяснений лиц и представителей организаций, заявивших ходатайства.

Общая направленность произошедших изменений состояла в освобождении суда от предварительной оценки материалов расследованного уголовного дела в тех аспектах, в которых функция судебного контроля максимально приближалась к функции обвинения. Изменения в УПК 1960 г. косвенно подтвердили правоту предположений, что имевшая место глубокая погруженность суда в обстоятельства дела не могла обеспечить ему полную свободу в формулировании итогового решения. Заметим, что рассматриваемые изменения произошли до принятия Конституции РФ, закрепившей новые правовые условия функционирования судебной власти. Значит, прежнее положение суда в стадии предания суду казалось не соответствующим его предназначению как органа правосудия. Положение Концепции судебной реформы в РСФСР о том, что функ-

¹⁵ Данное обстоятельство подвергалось резкой критике. Так, профессор Ю. И. Стецовский писал: «В стадии предания суду следовало внедрить состязательность и другие принципы судопроизводства, выполнить предусмотренное Международным пактом о гражданских и политических правах обязательство о расширении возможностей судебной защиты (ст. 2). Однако вместо этого происходит их сокращение: 29 мая 1992 г. целая стадия процесса — предание суду — оказалась ликвидированной, что никак не соответствует Концепции судебной реформы... единоличный судья фактически выполняет функцию обвинения» (Стецовский Ю. И. Концепция судебной реформы и проблемы конституционной законности в уголовном судопроизводстве // Гос-во и право. 1993. № 9. С. 113).

цию предания суду необходимо передать прокуратуре, оставив за судом лишь контроль правильности обвинительного акта, наличия в деле необходимых материалов, выявление формальных нарушений, оказалось воспринятым, однако не в полной мере.

Закон 1992 г. не возложил функцию предания суду на прокуратуру, что было бы вполне логичным шагом. Как мы обусловились считать, в промежутке между окончанием дела органом расследования и рассмотрением дела судом по существу реализуются три вида деятельности: прокурорский надзор за законностью предварительного расследования, утверждение обвинительного заключения и передача уголовного дела в суд; «приемка» судом дела, состоящая в той или иной глубине контроля качества расследования; а также подготовительные действия суда к судебному заседанию. Сняв нормативно с суда функцию предания суду, законодатель никому ее не передал, хотя и по УУС, и УПК 1923 г. ее выполнял прокурор. К этому же призывала Концепция судебной реформы. Устранение судебной функции предания суду — сигнал положительный и весьма эффективный в обозначении новых пределов «ответственности» суда за передачу дела в стадию судебного разбирательства. Однако в реальности кто-то такую передачу осуществляет. Игнорировать эту объективную реальность нельзя. Если не суд, то тогда прокурор, но в законе об этом не говорилось. Юристы стали высказываться, что стадия потеряла свое процессуальное лицо¹⁶.

Такое положение, возможно, возникло в связи с тем, что законодатель не до конца освободил суд от той деятельности, которая в предшествующий период именовалась преданием суду. Предусмотрев, что суд больше не обязан решать на данном этапе, содержит ли деяние состав преступления, правильно ли применен уголовный закон и другие упомянутые вопросы, законодатель устранил только наиболее рельефно проявляющиеся внешние признаки сближения суда с обвинительной деятельностью. По существу параметры контроля за качеством досудебного производства не изменились. Суд по-прежнему был обязан решить, «собраны ли доказательства, достаточные для рассмотрения дела в судебном заседании» (п. 3 ст. 222 УПК РСФСР в ред. Закона РФ от 29 мая 1992 г.). Принимая решение о назначении судебного заседания, судья был «вправе исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении...» (ч. 1 ст. 223¹), что вряд ли свидетельствует о неразрешении судом вопро-

¹⁶ Михайлова Т., Ястребова О. Нужны ли новшества в регламентации полномочий судьи до разбирательства дела? // Законность. 1993. № 9. С. 20.

са о правильности применения к деяниям, вменяемым обвиняемому, уголовного закона.

За судом в полном объеме сохранено право по своей инициативе возратить дело для дополнительного расследования, в том числе в связи с установленными неполнотой предварительного расследования и основаниями для предъявления обвиняемому другого обвинения, обусловленного ранее предъявленным, либо для изменения на более тяжкое или существенно отличающееся от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении¹⁷.

Суд остался вправе прекратить поступившее уголовное дело по любому основанию, в том числе как формальному (наличие акта об амнистии, недостижение возраста уголовной ответственности), так и неформальному (например, недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления).

В большинстве научных и учебных изданий прежнее наименование стадии «предание суду» перестало употребляться. Возникли новые наименования: «стадия подготовки к судебному заседанию» или «стадия назначения и подготовки к судебному заседанию». Представляется, что сводить содержание стадии к подготовительным действиям было не совсем правильно. Подготовительные действия составляли важнейшую, но не определяющую часть данного этапа деятельности суда.

Таким образом, за новым наименованием основного решения, принимаемого судом в первой судебной стадии, — о назначении судебного заседания — не последовало коренного изменения института предания суду в целом. По-прежнему, исходя из всей совокупности нормативных правил, именно суд нес ответственность за необоснованную передачу дела в стадию судебного разбирательства, т. е. предавал обвиняемого суду, если пользоваться ранее применявшейся терминологией. Суд исполнял роль «фильтра», обеспечивающего проведение судебного разбирательства только по достаточно подготовленным обвинениям. Устранение коллегиального рассмотрения дела в тех случаях, когда судья не был согласен с выводами обвинительного заключения, стало шагом назад по сравнению с ранее достигнутым уровнем. Конституционный Суд РФ существенно

¹⁷ Подтверждением того, что полномочия суда по возвращению уголовного дела для дополнительного расследования были слишком широкими, позволяющими суду влиять на пределы уголовного преследования в сторону их расширения, является последовавшее признание их неконституционными (По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части 1 ст. 232, части 4 статьи 248 и части 1 статьи 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород : постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П).

ограничил компетенцию суда по инициативному возвращению уголовного дела для дополнительного расследования, усмотрев в этом признаки не свойственной суду обвинительной деятельности.

1.4. Общая характеристика нормативного регулирования назначения и подготовки судебного разбирательства по УПК РФ

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, принятый 18 января 2001 г. и вступивший в силу с 1 июля 2002 г. (далее — УПК РФ), продолжил тенденцию к минимизации контроля суда за качеством расследования направленного ему уголовного дела.

Деятельность суда по поступившему от прокурора уголовному делу стала регламентироваться главами 33 «Общий порядок подготовки к судебному заседанию» и 34 «Предварительное слушание». Законодатель восстановил и значительно расширил участие сторон в первой судебной стадии. В законе предусмотрен широкий перечень оснований для назначения предварительного слушания. Практически в каждом случае обращения в суд участника процесса с ходатайством или при наличии у суда каких-либо сомнений в возможности назначить дело к рассмотрению учитывался обязательный созыв предварительного слушания (ст. 229).

Основным решением суда осталось введенное в 1992 г. решение о назначении судебного заседания, термин «предание суду» не используется.

Вопросы, подлежащие выяснению по поступившему в суд уголовному делу, сокращены и отредактированы таким образом, что вообще не касаются фактической стороны дела и юридической квалификации содеянного. Показательно, что если предыдущее наименование главы делало акцент на «полномочиях судьи до судебного разбирательства» и «подготовительных действиях к судебному заседанию», то в УПК РФ говорится только о «порядке подготовки к судебному заседанию». Основным содержанием деятельности в первой судебной стадии стала подготовка к судебному разбирательству. Даже по результатам предварительного слушания суд лишен права вернуть дело для дополнительного расследования (возможно возвращение дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом). Суд вправе прекратить уголовное дело по реабилитирующим основаниям только при отказе прокурора от обвинения. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, изменением обстановки (такое основание существовало до конца 2003 г.), деятельным раскаянием допускалось только по ходатайству одной из сторон. Классические реабилитирующие основания прекращения уголовного дела в виде отсутствия события преступления, отсутствия состава преступления, непричастности лица к совершению преступления суд применить не мог.

Произошло действительно значительное (можно сказать, радикальное) освобождение суда от ответственности за обоснованность уголовного преследования обвиняемого, дело в отношении которого назначено к рассмотрению по существу. В момент вступления УПК РФ в законную силу обвинительное заключение (акт) не содержал анализа доказательств, а только их перечень, что исключало, по замыслу законодателей, погружение суда в объем доказательственных сведений даже через их отражение в итоговом документе предварительного расследования. Суд абсолютно свободен от позиции обвинения, не дает ей оценки, не знает содержания доказательств, не отвечает за их достаточность, передавая дело в следующую стадию. Все эти изменения осуществлены под лозунгом обеспечения полной беспристрастности суда и свободы его внутреннего убеждения. Проблема предрешиения выводами суда в предварительном производстве итогового решения в приговоре была нормативно снята тем, что никаких предварительных выводов суд не делает.

При такой конструкции стадии закономерно встает вопрос о том, какой орган осуществляет передачу дела в суд (предание суду), от кого исходит правовой импульс, движущий процесс из досудебного производства в судебное производство. Если суд предварительно смотрит на движущееся от прокурора дело лишь с точки зрения наличия в нем формальных препятствий для рассмотрения в главном судебном заседании и никак не ускоряет и не замедляет этого движения, готовит дело к судебному разбирательству, обеспечивает возникшие потребности сторон, то содержание стадии сводится к исключительно подготовительным действиям, понимаемым не только как сугубо технические мероприятия, но и как действия, обеспечивающие права участников предстоящего судебного процесса. Отметим, что представленный первоначальный замысел законодателя постоянно подвергается ревизии. Полагаем, причина этого не только в технико-юридических недостатках закона, но, возможно, в нереалистичности самой концепции.

Таким образом, в УПК РФ законодатель провел дальнейшее сокращение контрольных полномочий суда по отношению к предварительному расследованию, добился практически абсолютного дистанцирования суда от вестущегося по делу уголовного преследования, тем самым нормативно устранил из решения о назначении судебного заседания даже намек на его историческое предназначение — предание обвиняемого суду. Многочисленные изменения в порядок деятельности суда по поступившему от прокурора делу, предопределенные, прежде всего, правовыми позициями Конституционного Суда РФ, свидетельствуют о спорности предложенного регулирования.

§ 2. Понятие стадии назначения и подготовки судебного разбирательства

Под стадией уголовного процесса принято понимать его относительно самостоятельную часть, имеющую специфические задачи, направленные на достижение назначения уголовного процесса, решаемые присущими ей средствами¹⁸.

Признаки, характеризующие стадию:

- определенное место в системе стадий (как правило, можно выделить предшествующую и последующую стадии);
- участники стадии — государственные органы, движущие производство по делу, и иные должностные и частные лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство;
- непосредственные задачи, разрешение которых позволяет производству по делу перейти к следующему этапу;
- средства, соответствующие уровню задач (чем масштабнее задачи, тем шире спектр средств их достижения);
- четко выделяемые моменты начала и окончания стадии;
- сроки, в течение которых разрешаются задачи стадии;
- порядок деятельности;
- итоговые решения.

Специфика задач, субъектов, процедур и т. д., присущих стадии, позволяет говорить о специфике процессуальной формы конкретной стадии.

Стадия уголовного процесса — это не нормативное, а доктринальное (научное, учебное) понятие. Законодатель, определяя порядок движения уголовного дела, не называет тот или иной этап такого движения стадией, не дает ей наименования, хотя основа стадийности, конечно же, сосредото-

¹⁸ Профессор Л. В. Головкин стадией называет «автономный и нормативно выделенный в законе отрезок уголовного процесса, направленный на решение специальных задач, необходимых для достижения общей юридико-технической цели уголовного процесса, связанной с разрешением уголовного дела по существу, т. е. с разрешением вопросов материального уголовного права» (*Курс уголовного процесса* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головкин. М., 2016. С. 64, 65).

точена в нормах закона. Каждый исследователь может по-разному интерпретировать действующее регулирование, привнося элемент субъективного отношения.

На наш взгляд, классические черты самостоятельной стадии были присущи стадии предания суду в период действия последнего УПК РСФСР до реформы 1992 г. Важнейшим стадиеобразующим элементом была возложенная на суд задача проверки качества предварительного расследования и предварительной оценки достаточности доказательств для начала судебного процесса над обвиняемым. Переход дела от негласного (тайного) предварительного исследования доказательств к гласному суду требовал осторожности. Издревле считалось, что нахождение на скамье подсудимых — это стрессовая ситуация для человека, оцениваемая обществом негативно¹⁹. Поэтому не каждое утверждение о причастности лица к преступлению, исходящее от обвинения, должно проверяться исключительно в зале судебного заседания. Возможно, в каких-то случаях это делать преждевременно. При таком восприятии факта помещения суда на скамью подсудимых задача суда, играющего роль так называемого фильтра, была весьма значительной, автономной и могла сама по себе послужить основой для выделения самостоятельной судебной стадии.

Функция предания суду настолько отчетливо была возложена на суд, что деятельность прокурора, утверждающего обвинительное заключение и направляющего дело в суд, к преданию суду не относилась. Она (деятельность прокурора) вообще не относилась ни к одной из стадий. Известность получило оригинальное исследование В. С. Зеленецкого, считавшего деятельность прокурора самостоятельной стадией возбуждения государственного обвинения. По его мнению, обвинение, исходящее от

¹⁹ Так, А. Ф. Кони писал: «Но каково же положение того, кто будет таким образом предан суду, т. е. позору публичности... А если человек не виноват, то как он отмоет, как он отскоблит от себя обвинение, которое к нему предъявлено и по которому он сидел на скамье подсудимых. Мы знаем психологию человечества. Сначала скажут: „да, но его оправдали“, а потом будут говорить: „он за что-то судился“, а затем, — „у него было какое-то грязное дело, за которое он был под судом“, — и честное, быть может, имя человека будет навсегда замазано» (цит. по : *Перлов И. Д.* Указ. соч. С. 11). Советский ученый М. С. Строгович также считал, что «недопустимо и вредно с точки зрения интересов правосудия и прав и интересов граждан, если на судебное разбирательство ставится дело, по которому нет достаточно веских доказательств виновности обвиняемого, или недостаточно тщательно расследованы обстоятельства дела, или при расследовании допущены нарушения закона и т. д.» (*Строгович М. С.* Указ. соч. С. 186).

органов расследования, было предварительным, от имени государства оно возбуждалось только прокурором в момент утверждения обвинительного заключения²⁰. Хотя автор и не заявлял, что прокурор осуществлял предание суду (эта функция нормативно была закреплена за судом), подчеркивание им иницирующей роли прокуратуры несколько ослабляло «обвинительную» составляющую (мнимую или реальную — кто как считал) судебной передачи обвиняемого на скамью подсудимых.

Что произошло с тех пор и можно ли сегодня говорить о наличии самостоятельной судебной стадии, решающей в предусмотренной форме обособленные задачи в момент от поступления дела в суд и до начала судебного разбирательства?

В учебной литературе в настоящее время практически единообразно выделяется в судебном производстве в качестве первой судебной стадии стадия «подготовки к судебному заседанию»²¹, «назначения судебного заседания»²², «разрешения судьей вопроса о назначении судебного заседания»²³, «назначения и подготовки к судебному заседанию»²⁴, «принятия дела к производству судом»²⁵. Выделению самостоятельной судебной стадии, предшествующей судебному разбирательству, способствует структура законодательства.

Интересен анализ разночтений в наименовании стадии. Когда авторы (вслед за законодателем) делают акцент на подготовительных действиях к судебному заседанию, возникает вопрос, не считают ли они стадией сутубо

²⁰ Зеленецкий В. С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 93–114.

²¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Л. Н. Башкатов [и др.] / отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. М., 2012. С. 14, 449 ; Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. С. 66, 844.

²² Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. М., 2003. С. 9 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2004. С. 441, 442 ; Уголовный процесс : учебник / Л. А. Александрова [и др.] / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М., 2011. С. 532 ; Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : курс лекций. Изд. 4-е. Екатеринбург, 2016. С. 12, 234.

²³ Уголовный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. проф. А. П. Кругликов. М., 2010. С. 17, 517.

²⁴ Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 385.

²⁵ Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 433 ; Уголовно-процессуальное право : учебник для вузов / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2013. С. 608.

подготовительную деятельность, следующую после решения суда о назначении судебного заседания. Исторически, как мы помним из предыдущего изложения, выделялась именно стадия «подготовительных к суду распоряжений». Но это было связано с тем, что предание суду осуществляли в два этапа прокурор и вышестоящий суд. Суду, рассматривающему дело по существу, оставалось только подготовить судебное заседание.

В настоящее время упоминание в наименовании главы 33 УПК РФ исключительно подготовительных действий означает лишь, что законодатель не делает акцента (или делает меньший акцент) на функции назначения судебного заседания. Решение о назначении судебного заседания пришло на смену решению о предании обвиняемого суду, которое посчитали несовместимым с новыми ролью и местом суда в состязательном уголовном процессе. Но, несмотря на смену акцентов, назначение судебного заседания, равно как и деятельность суда, предшествующая обоснованному назначению судебного заседания, по-прежнему занимает ведущее место в деятельности суда, поэтому, пока это решение существует, рассматриваемая стадия должна включать в свое наименование термин «назначение». Подготовительные действия производны от состоявшегося назначения судебного заседания: и назначение, и подготовка осуществляются одним и тем же судом (судьей) и образуют единый комплекс действий. О назначении судебного заседания применительно к содержанию стадии следует говорить хотя бы потому, что в последние годы наблюдаются различаемый специалистами дрейф в сторону повышения роли суда в оценке качества предшествующей деятельности и появление альтернатив назначению, т. е. назначение судебного заседания — это не всегда заранее predetermined («заданное») решение. Например, на первой стадии суд вправе возратить уголовное дело для применения закона о более тяжком преступлении, прекратить уголовное дело, в том числе с назначением судебного штрафа.

По логике, введение законодателем понятия «назначение судебного заседания» вместо понятия «предание обвиняемого суду» должно было привести к передаче функции предания суду прокурору. На наш взгляд, эта функция не исчезает вместе с изменением терминологии, поскольку выступает объективной категорией. Утверждая обвинительное заключение (акт, постановление), прокурор передает дело в суд, а судьбу обвиняемого — в руки правосудия²⁶. В законе роль прокурора выписана предельно четко и по существу является преданием суду. Тот факт, что законода-

²⁶ Сторонники теории уголовного иска сказали бы, что прокурор предъявляет в суд уголовный иск, а суд принимает его к рассмотрению.

тель не использует этого термина применительно к прокурору²⁷, не отражается на объективном ходе уголовного судопроизводства. Эта доктрина (в научной и учебной литературе) должна дать интерпретацию, адекватно отражающую (в частности, в образовательной деятельности) суть происходящих процессов. Но исследователи предпочитают опережать законодателя и традиционно выделяют первую судебную стадию в тех границах, которые были ей присущи, когда суд играл в предании суду определяющую роль, превосходящую по значимости (а значит, не требующую дополнительного акцента) роль прокурора.

Таким образом, в современном уголовном процессе объективно реализуется смешанный принцип предания суду, включающий базовое решение, принимаемое прокурором, и неглубокую, направленную только на выявление формальных препятствий проверку судом поступившего производства и выполнение подготовительных к судебному заседанию действий. Задействованы все три выделенные нами составляющие (блоки): деятельность прокуратуры, контроль суда за досудебным производством, подготовка к процессу.

Подобное восприятие механизма предания суду требует развернутой аргументации, которая не может быть дана в столь кратком описании, имеющем методическую направленность. Но обучающиеся могут выработать свое отношение к обсуждаемым вопросам, получить иммунитет от упрощенного понимания содержания первой судебной стадии, при котором она отождествляется с набором подготовительных действий.

Рассмотрим в учебном ключе первую судебную стадию.

Стадия занимает *место* в промежутке между досудебным производством и судебным разбирательством. Нормативно данная стадия является составной частью (первым этапом) судебного производства. Можно сказать, что стадия следует за стадией предварительного расследования, но помнить при этом, что юридически предварительное расследование завершается передачей дела прокурору, поэтому между стадией предварительного расследования в общепринятом понимании и рассматриваемой первой судебной стадией включается деятельность прокурора, не относящаяся ни к одной из стадий. Последующей стадией выступает стадия судебного разбирательства.

Полагаем, что адекватное *наименование* стадии — «Назначение и подготовка судебного разбирательства». Не выделяя «назначение», умалюем (не за-

²⁷ Законодатель Республики Казахстан поступил по-иному. В части 1 статьи 305 «Предание обвиняемого суду и направление уголовного дела в суд» УПК РК сказано, что «прокурор своим постановлением передает обвиняемого суду и направляет уголовное дело в суд, которому оно подсудно».

мечаем) объективно присущее содержание деятельности. Кроме терминологических, в современном законодательстве нет других предпосылок сводить первую судебную стадию к историческому аналогу — «стадии подготовительных к суду распоряжений». Обратим внимание также на то, что предпочтительнее говорить о назначении и подготовке не «к судебному заседанию», а «судебного разбирательства». Судебное заседание — это «процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу» (п. 50 ст. 5 УПК РФ), т. е. форма деятельности суда. Первая судебная стадия выступает предпосылкой последующей стадии — судебного разбирательства, поэтому назначается и подготавливается судебное разбирательство, происходящее в форме судебного заседания. Подобное уточнение не находит поддержки в законе, но, повторим, понятие и наименование стадии формируются не законодателем, а юристами. Законодатель использует понятие «назначение судебного заседания» в силу традиции.

Основным участником стадии назначения и подготовки судебного разбирательства выступает суд первой инстанции, которому подсудно уголовное дело. В отличие от дореволюционного регулирования по УУС, «разводившего» субъектов предания суду и непосредственного рассмотрения и разрешения уголовного дела, советское и современное законодательство этого не делают. Не только один и тот же суд (как орган) вправе назначить и рассмотреть дело, но один и тот же конкретный судья. Вместе с тем для рассмотрения по существу дело может быть передано другому судье. Помимо судьи, в случаях назначения предварительного слушания участниками стадии выступают стороны в лице государственного обвинителя, обвиняемого, защитника и др.

В связи с меняющейся трактовкой деятельности суда по изучению и оценке материалов уголовного дела методическую сложность представляет трактовка *задач* стадии. Применим ли здесь распространенный подход (в бытность этой стадии преданием суду), согласно которому задачами выступают контроль за предварительным расследованием и подготовка к следующему этапу судопроизводства? В целом следует ответить положительно. В части подготовки к судебному разбирательству задача стадии изменений не претерпела. Что касается контроля за предшествующим производством, то требуется дополнительная интерпретация. Термин «контроль», обозначающий основную задачу стадии, целесообразно сохранить, поскольку он отражает выработанный теорией стадийности постулат, что каждая последующая стадия контролирует предыдущую. В основе системы стадий лежит потребность постоянного мониторинга законности и обоснованности уже осуществленной деятельности. Для

этого предусмотрены полномочия, в том числе и в форме прекращения уголовного преследования. Ряд стадий в системе уголовного судопроизводства выполняет исключительно контрольную функцию.

Но если контроль вышестоящего суда над решением нижестоящего, а равно прокурора над органом преследования является естественным, поскольку он реализуется в рамках одной функции (правосудия или уголовного преследования), то контроль на стыке производств требует осторожности. По итогам судебного разбирательства можно утверждать, что суд первой инстанции осуществляет косвенный контроль за качеством обвинения: соглашается с ним, когда признает лицо виновным и постановляет обвинительный приговор, не соглашается, когда подсудимого оправдал. Но это по итогам судебного разбирательства. В первой судебной стадии вопрос о виновности по существу не рассматривается.

Вся история реформирования отношений в стадии предания суду (назначения и подготовки судебного разбирательства) направлена на выявление оптимальной глубины судебной «приемки» уголовного дела. В настоящий период суд практически лишен полномочий влиять на качество уголовного преследования. Законодатель опасается преждевременного прикосновения суда к ведущемуся уголовному преследованию и его официальной судебной оценки.

Вместе с тем отчетливо прослеживается направленность на выявление тех нарушений формы, которые помешают (воспрепятствуют) самому суду разрешить дело, т. е. осуществляется контроль «для себя». Еще раз подчеркнем: контроль суда за качеством досудебного производства как задача стадии предания суду предполагал оценку достаточности доказательств, полноты расследования, переквалификацию обвинения, прекращение уголовного преследования по реабилитирующим основаниям. В настоящее время ничего этого нет²⁸. Суд нейтрален по отношению к обвинению, не реагирует на него, но внимательно следит за обеспе-

²⁸ Проблемность рассматриваемых отношений проявляется, в частности, в том, что по одному и тому же аспекту могут высказываться противоположные позиции. Так, вопреки нашему суждению, что суд не оценивает достаточность доказательств (точнее, это не вопрос рассматриваемой стадии), утверждается, например, что «полномочия судьи состоят в изучении и проверке письменных материалов уголовного дела и принятии решения, исходя из достаточности этих материалов для рассмотрения дела в судебном разбирательстве: судья назначает судебное заседание либо ввиду недостаточности этих материалов назначает предварительное слушание» (Махова Т. М. О совершенствовании стадии подготовки к судебному заседанию // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики. М., 2010. С. 313).

чением прав преследуемого лица и пунктуальностью органов расследования в соблюдении порядка уголовного преследования, включая порядок собирания доказательств. Эта сфера контроля остается хотя бы потому, что даже абсолютная безупречность судебного разбирательства не позволяет сохранить в силе приговор, если ему предшествуют существенные нарушения прав осужденного на досудебном этапе.

В условиях современного охранительного уголовного судопроизводства можно вести речь о такой самостоятельной задаче первой судебной стадии, как обеспечение прав участников предстоящего судебного разбирательства. Суд обеспечивает права участников путем разрешения и удовлетворения обоснованных ходатайств, а также инициативно. В определенной мере эта задача перекликается с задачей подготовки судебного разбирательства, однако в целях рельефного обозначения охранительной направленности современного уголовного судопроизводства на ней целесообразно делать самостоятельный акцент. С учетом требования Верховного Суда РФ оценивать законность и обоснованность обвиняемого под стражей в каждом случае поступления в суд дела (даже при наличии оснований на направление его по подсудности) данную деятельность также следует отнести к задаче охраны прав личности.

Поэтому *задачами* суда на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства являются:

- 1) контроль суда за качеством досудебного производства, направленный на выявление препятствий к судебному разбирательству;
- 2) обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в рамках рассмотрения и разрешения ходатайств и по инициативе суда;
- 3) осуществление предусмотренных законом подготовительных действий к предстоящему судебному разбирательству.

Стадии назначения и подготовки судебного разбирательства не свойственно непосредственное исследование доказательств, являющееся основным способом познания реальности в судебном разбирательстве. Степень развитости *средств* любой стадии находится в прямо пропорциональной зависимости от масштаба задач. При назначении и подготовке судебного разбирательства задачи локальные, здесь не разрешается основной вопрос уголовного дела. Судья изучает дело путем прочтения. В самом начале действия УПК РФ ставилась под сомнение даже эта возможность. Предлогом было недопущение формирования внутреннего убеждения на основе следственных материалов. Позже Пленум Верховного Суда РФ занял официальную позицию, ориентирующую суды на тщательное изучение материалов поступившего уголовного дела.

В случае обращения участников процесса с ходатайствами, суд вправе заслушать лиц, обладающих сведениями, относящимися к предмету рассматриваемого ходатайства или иного разрешаемого судом с участием сторон вопроса. Закон называет такое заслушивание допросом свидетелей (ч. 8 ст. 234, ч. 3 ст. 235 УПК РФ). Между тем это не допрос свидетеля по обстоятельствам дела. Сообщаемые «допрошенным» лицом сведения не имеют статуса доказательства в виде показаний свидетеля, лицо, сообщившее сведения, не несет уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по уголовному законодательству, поэтому судебные действия следственного характера не являются средствами стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. В ходе предварительного слушания возможно оглашение протоколов следственных действий и других документов (ч. 3 ст. 235).

Судья вправе приобщить к уголовному делу представленные сторонами документы, подтверждающие или опровергающие фактические обстоятельства, связанные с поддерживаемым ходатайством или иным разрешаемым вопросом. Однако предметы и документы, служащие, по мнению сторон, доказательствами по предмету обвинения, собираются судом только в стадии судебного разбирательства.

Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства не наделена *принудительным* потенциалом, направленным на решение ее непосредственных задач. Так, лицо, извещенное о предварительном слушании и не явившееся в судебное заседание, не может быть подвергнуто приводу. Неявка таких лиц не препятствует проведению предварительного слушания. Избираемые в данной стадии меры пресечения, наложение ареста на имущество служат обеспечительными мерами для решения задач предстоящего судебного разбирательства. В определенном смысле применение таких мер принуждения может рассматриваться в качестве подготовительных к судебному разбирательству действий.

Моментом *начала* стадии следует считать поступление уголовного дела в суд (канцелярию суда), а *окончанием* — начало судебного разбирательства. Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства имеет две относительно самостоятельные, соответствующие двум основным группам вопросов, разрешаемых судом, но взаимосвязанные *части*. Это деятельность суда по контролю за законностью представленного в суд производства, завершаемая принятием решения о назначении судебного заседания, и деятельность по подготовке судебного заседания. В случае возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий к его рассмотрению или его прекращения по нереабилитирующему основанию стадия полностью завершается в

своей первой части, посвященной контролю за предварительным расследованием, и не переходит во вторую часть. Применительно к конкретному уголовному делу задачи стадии считаются выполненными.

Общий *срок* стадии складывается из сроков, установленных законом для каждой из частей стадии. Решение о назначении судебного заседания принимается в срок не позднее 30 суток со дня поступления уголовного дела в суд. Если же в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то этот срок равен 14 суткам (ч. 3 ст. 227 УПК РФ). В указанные сроки входит и проведение предварительного слушания, если для его назначения имеются основания. Первый этап стадии может завершиться в отведенное время также направлением уголовного дела по подсудности.

Рассмотрение уголовного дела по существу должно быть начато не позднее 14 суток со дня вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания (ч. 1 ст. 233 УПК РФ). Этот срок необходим для вызова участников процесса и выполнения других процессуально-организационных подготовительных действий. Поскольку рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей требует совершения дополнительных подготовительных действий, закон устанавливает 30-суточный срок до начала судебного разбирательства (ч. 1 ст. 233 УПК РФ). Названные сроки являются предельными и в каждом конкретном случае могут быть сокращены при условии неукоснительного соблюдения контрольных сроков: стороны должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала (ч. 4 ст. 231 УПК РФ), рассмотрение уголовного дела в судебном заседании не может быть начато ранее 7 суток со дня вручения обвиняемому копии обвинительного заключения или обвинительного акта (ч. 2 ст. 233 УПК РФ).

Основным итоговым *решением* стадии является решение о назначении судебного заседания. Назначение судебного заседания осуществляется в отношении каждого обвиняемого (ч. 3 ст. 231 УПК РФ), т. е. происходит назначение судебного заседания в смысле предания суду, а не определения его места, даты и времени. Решение о назначении судебного заседания принимается один раз и не дублируется, например, при возобновлении приостановленного производства²⁹. Применительно к судьбе

²⁹ Интересно отметить, что сразу после реформирования стадии предания суду в 1992 г., в ходе которого законодатель отказался от термина «предание суду» и заменил его «назначением судебного заседания», нередкой ошибкой судей было отождествление решения о назначении с определением места даты и времени судебного заседания. Например, судья, получивший дело для повторного рассмотрения после отмены приговора или возобновивший приостановленное производство, стремился вынести постановление о назначении судебного заседания. Никакой необходимости в

конкретного обвиняемого итоговым решением может стать прекращение уголовного дела или уголовного преследования по предусмотренному законом основанию.

Таким образом, этап назначения и подготовки судебного разбирательства формально имеет все черты, присущие отдельной стадии уголовного процесса. Выделяются самостоятельные субъекты, специфические задачи и средства их решения, временные параметры и другие признаки стадийности. Вместе с тем не может остаться без внимания, что в современной конструкции стадии практически нет влияния суда на динамику ведущегося уголовного преследования: суд не оценивает достаточность доказательств, квалификацию преступления и вообще дистанцируется от вопроса о правомерности вынесения дела на публичное судебное рассмотрение. Не случайно эта стадия преимущественно отождествляется с подготовительными к судебному заседанию действиями, понимаемыми в широком смысле (не только собственно обеспечительные действия по организации судебного разбирательства, но и отсеивание материалов, содержащих процессуальные препятствия для разрешения дела по существу). Суд принимает дело к производству в том виде, в котором оно находится и готовится к его рассмотрению. Суд отказывается от принятия лишь тех дел, которые не могут быть разрешены в силу допущенных существенных нарушений закона. Функция «постановки дела на судебное разбирательство» (по прежней терминологии — предания суду) в современной стадии минимизирована, если не сказать, выхолощена совсем. Но именно она всегда была стадиеобразующей. В этих условиях незрела адекватная, соответствующая фактическому положению оценка деятельности прокурора, утверждающего обвинительное заключение и передающего дело на судебное рассмотрение. Имеются все признаки именно ее считать актом предания суду, поскольку находящаяся в настоящее время вне системы стадий деятельность прокурора по проверке качества обвинения и утверждению итогового обвинительного документа как раз выполняет функцию выдвижения дела на судебное рассмотрение.

этом не было, поскольку каждый обвиняемый предается суду (дело о нем считается «готовым» для судебного рассмотрения) один раз. Повторное решение о назначении судебного заседания возможно только в случае отмены предыдущего решения вышестоящим судом и направления дела для нового рассмотрения в стадию назначения и подготовки судебного разбирательства.

§ 3. Порядок назначения и подготовки судебного разбирательства

Закон четко дифференцирует порядок производства в первой судебной стадии. В соответствии с названиями глав 33 и 34 УПК РФ он подразделяется на «общий порядок подготовки к судебному заседанию» и «предварительное слушание». Основной признак общего порядка заключается в отсутствии сторон: все вопросы, подлежащие рассмотрению, судья разрешает самостоятельно, не вынося их на обсуждение участников процесса, т. е. действует не в рамках судебного заседания. Предварительное слушание, напротив, характеризуется участием в обсуждении разрешаемых вопросов заинтересованных лиц, представляющих обе стороны. Формой предварительного слушания выступает судебное заседание. Различие между общим порядком и предварительным слушанием проводится именно по участию (отсутствию такового) сторон. Состав суда остается неизменным: и при общем порядке, и на предварительном слушании судья во всех случаях действует единолично. Поэтому неправильно говорить, что предварительное слушание представляет собой коллегиальный порядок назначения и подготовки судебного разбирательства, а общий порядок — единоличный. Коллегиальное (в составе судебной коллегии) назначение судебного заседания по поступившему в суд уголовному делу законом не предусмотрено.

Наименование «общий порядок» не означает, что по замыслу законодателя он является приоритетным, предписываемым к преимущественному применению. Равно как и предварительное слушание неверно считать резервным, «запасным» порядком, хотя фактически доля дел, назначаемых к рассмотрению посредством предварительного слушания, значительно меньше. Возможность реального участия представителей сторон при разрешении вопросов, составляющих предмет стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, выступает проявлением на этом этапе судопроизводства принципа состязательности и равноправия сторон. В любом случае, когда участник процесса обратится к суду

с каким-либо ходатайством, он вправе лично поддержать его перед судом, дополнительно интерпретировать. Иные заинтересованные участники также вправе представить свои суждения и возражения. Спор сторон перед независимым судом начинается до судебного разбирательства по существу дела.

Предварительное слушание назначается также и в случаях, когда основания для вынесения вопроса на обсуждение сторон возникают непосредственно у судьи. В обобщенном виде такие основания образуют ситуации, при которых появляются предпосылки для принятия любого другого решения, кроме назначения дела к слушанию или направления его по подсудности. Это так называемые нетипичные, нештатные решения, например о приостановлении или прекращении дела. Понятно, что уголовное дело направлялось в суд не для этой цели, а для рассмотрения по существу, поэтому без обсуждения сторон приостановить или прекратить уголовное дело на этом этапе без выслушивания мнения сторон нельзя.

Инициативно судья назначает предварительное слушание (привлекает представителей сторон) также в случаях выявления им препятствий для рассмотрения дела в судебном заседании. В споре в свете противоположных позиций истинный характер и последствия таких препятствий проявляются рельефнее, что позволяет избежать неправильного толкования и в конечном итоге незаконного и необоснованного решения.

Гипотетически можно представить ситуацию, когда по всем без исключения делам назначение и подготовка судебного разбирательства происходят с участием сторон, т. е. в форме предварительного слушания. Однако в реальности определенная часть поступивших в суд дел не содержит обращений участников процесса, и судья не находит для этого оснований. Тогда судья, изучив самостоятельно (в кабинете) материалы дела, принимает решение о назначении судебного заседания, т. е. реализует общий порядок.

Педагогическая практика показывает, что обучающиеся порой отождествляют предварительное слушание со стадией процесса. Неточность такого утверждения в том, что предварительное слушание только один из возможных вариантов проявления первой судебной стадии. Предварительное слушание — это форма (порядок) деятельности суда в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, которая имеет место при наличии установленных законом оснований и заключается в рассмотрении возникающих по делу вопросов с участием сторон.

Предварительное слушание обладает большим правоохранительным потенциалом по сравнению с общим порядком, но это более затратный механизм. Формулируя основания для проведения предварительного

слушания, законодатель стремится к взвешенному подходу с тем, чтобы не идти по более сложному пути тогда, когда в этом нет реальной необходимости. Значительное влияние на оптимизацию форм деятельности суда в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства оказывает Верховный Суд РФ³⁰. Если в начальный период действия УПК РФ, исходя из буквального толкования закона, суды назначали предварительное слушание в каждом случае поступления ходатайства без оценки его обоснованности, то в дальнейшем судьям было разъяснено, что в отдельных случаях решение по ходатайству может быть принято и без вызова сторон. В общем порядке могут быть удовлетворены обоснованные ходатайства, которые не требуют проверки, например, о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех судей, о допуске к участию в деле защитника, о вызове в суд дополнительных свидетелей, о применении мер безопасности и др. (п. 3). Без участия сторон судья вправе отказать в удовлетворении ходатайств, не отвечающих предусмотренным требованиям, если нет иных оснований для назначения предварительного слушания (п. 12). Если сторона ходатайствует о назначении предварительного слушания, но не указывает для этого конкретных мотивов и оснований, судья отказывает в его удовлетворении и назначает судебное заседание в общем порядке (п. 7 постановления).

Заметное влияние на выбор порядка назначения и подготовки судебного разбирательства оказала правовая позиция Конституционного Суда РФ. Суд указал, что в случае принятия решения об оставлении без изменения и тем самым о фактическом продлении меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемому должно обеспечиваться право участвовать в рассмотрении судом данного вопроса, изложить свою позицию и представить в ее подтверждение необходимые доказательства³¹. С учетом того, что общий порядок назначения судебного заседания не предполагает участия сторон, сложилась практика назначения предварительного слушания во всех случаях поступления в суд уголовных дел,

³⁰ *О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному заседанию* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3, от 28 июня 2012 г. № 16, от 3 марта 2015 г. № 9).

³¹ *По жалобе гражданина Горского А. В. на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части 2 статьи 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г. № 132-О. Дальнейшее развитие данная позиция получила в постановлении Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П.

по которым обвиняемые содержались под стражей. Правовая позиция Конституционного Суда РФ была исполненной. Однако такой способ ее исполнения оказался затратным, поскольку процедура предварительного слушания требует дополнительных организационных усилий и, кроме того, проведение слушаний создает предпосылки для заявления сторонами дополнительных ходатайств, которых первоначально не было.

В этих условиях Верховный Суд РФ разъяснил, что право обвиняемого на отстаивание своих интересов при обсуждении вопроса о мере пресечения может быть обеспечено проведением судебного заседания в порядке ст. 108 УПК РФ. «В необходимых случаях, — говорится в п. 5 постановления от 22 декабря 2009 г. № 28, — если в отношении обвиняемого в ходе предварительного расследования избрана мера пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, судье следует решить, подлежит ли отмене либо изменению, остается ли прежней избранная в отношении обвиняемого мера пресечения. При этом указанные вопросы решаются с участием сторон в соответствии с порядком и сроками, предусмотренными статьями 108, 109 и 255 УПК РФ». Позже данное положение в уточненном и конкретизированном виде в порядке дополнения закона было воспроизведено в ч. 2 ст. 228 УПК РФ.

Закон дополнен также положением о том, что вопрос о продлении срока наложения ареста на имущество должен разрешаться с участием заинтересованных лиц (ч. 3 ст. 228 УПК РФ). В форме судебного заседания, по нашему мнению, должен разрешаться и вопрос о наложении ареста на имущество. Согласно чч. 1 и 3 ст. 115 УПК РФ наложение ареста на имущество любых лиц, в отношении которых такая мера принуждения может быть применена, осуществляется в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. При этом наложение ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (третьи лица), если для этого имеются предусмотренные законом основания, сопровождается установлением срока действия избранной меры принуждения. Такой срок подлежит продлению в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 115¹ УПК РФ. Законодатель установил данный специальный порядок судебного заседания в связи с тем, что хотел подчеркнуть значительно больший круг (чем предусмотренный в ст. 165 УПК РФ) возможных участников судебного заседания.

Поскольку вопросы обеспечения гражданского иска и других денежных взысканий посредством наложения ареста на имущество (ст. 230 УПК РФ), а также продления срока такого ареста, наложенного в отношении третьих лиц (п. 5 ч. 1 ст. 228 УПК РФ), являются предметом внимания судьи при назначении судебного заседания и не требуют прове-

дения предварительного слушания, то они должны разрешаться в судебном заседании, проводимом в порядке, предусмотренном соответственно ч. 1 ст. 165 и ч. 4 ст. 115¹ УПК РФ.

Таким образом, возникла ситуация, при которой общий порядок назначения и подготовки судебного разбирательства стал дифференцированным: наряду с классическим общим порядком, когда судья действует, не вступая во взаимоотношения со сторонами, используется форма судебного заседания в досудебном производстве. Следует ли в таком случае говорить о трех порядках назначения судебного заседания: 1) общем, 2) с проведением судебного заседания, предусмотренного ст. ст. 108, 115¹, 165 УПК РФ, 3) предварительном слушании?

Фактически сложилось три порядка назначения судебного заседания, поскольку общий порядок, сопряженный с проведением судебного заседания, отличается от абсолютно единоличной деятельности судьи³², и в то же время он не является предварительным слушанием. Однако с учетом структуры закона при дальнейшем изложении речь будет идти об общем порядке, включающем предусмотренные «расширения», и о предварительном слушании³³.

³² На данное обстоятельство справедливо обращено внимание в учебной литературе (*Курс уголовного процесса* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. С. 853, 854).

³³ Интересен вопрос о причинах отказа от первоначально сложившейся устойчивой практики проведения предварительного слушания во всех случаях, когда требуется непосредственное участие заинтересованных лиц. Профессор Л. В. Головки высказал мнение, что «практический смысл такого разграничения заключается в том, что в отличие от предварительного слушания в указанном специальном судебном заседании не вправе участвовать потерпевший, его представитель и т. д., т. е. круг участников специального судебного заседания является более узким» (*Курс уголовного процесса*. С. 853). Иными словами, достигается некая экономия ресурсов и времени. Выше мы предположили, что назначение предварительного слушания может повлечь (коль скоро оно создано) постановку перед судом дополнительных ходатайств, хотя первоначально их не было. Здесь также в основе идея ускорения перехода в следующую стадию, сокращение сроков рассмотрения дел. Но на тот и другой аргумент могут быть легко приведены контрдоводы. Основываясь на смысле п. 14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что потерпевший вправе лично участвовать в судебном заседании, проводимом по вопросу об избрании меры пресечения (п. 17 постановления от 19 декабря 2003 г. № 41). Предусмотрено участие потерпевшего и в судебном заседании, посвященном продлению срока наложения ареста на имущество (ч. 4 ст. 115¹ УПК РФ). Возможность заявления дополнительных ходатайств в назначенном для решения вопроса о мере пресечения предварительном слушании хотя и требует дополнительных усилий, но в конечном итоге оборачивается благом для обеспечения прав участников процесса. При проведении специально-

3.1. Общй порядок назначения и подготовки судебного разбирательства

Судья, которому поручено рассмотрение поступившего от прокурора уголовного дела, обязан его изучить. Такое изучение состоит в единоличном прочтении материалов дела. Судье надлежит выяснить, «соблюдены ли органами дознания и предварительного следствия требования уголовно-процессуального закона, регулирующего досудебное производство, нет ли обстоятельств, препятствующих либо исключающих его рассмотрение судом, не имеется ли подлежащих разрешению ходатайств и жалоб сторон, оснований для проведения предварительного слушания»³⁴. Прочтение — это далекая от идеала (которым признается исследование материалов дела с участием сторон), но все же форма судебного исследования. Обстоятельства вынуждают трактовать данный аспект именно так. Иное истолкование, приближающее изучение материалов путем прочтения к организационно-административному действию, оказывается нереалистичным, поскольку в этом случае у общего порядка назначения судебного заседания не будет инструментария. Изучение материалов дела судьей позволяет ему сформировать внутреннее убеждение по ряду вопросов, не связанных с признанием виновности. Этого достаточно для выполнения тех задач, которые стоят перед стадией назначения и подготовки судебного разбирательства.

В группе вопросов, подлежащих выяснению по поступившему в суд уголовному делу, на первом месте стоит вопрос подсудности уголовного дела данному суду. Это далеко не формальный момент, поскольку конституционно-правовое истолкование права на своего судью (ст. 47 Конституции РФ) исключает рассмотрение дела тем судьей и тем судом, к подсудности которых оно не отнесено законом. Нарушение принципа законного суда делает бессмысленным всякое производство по делу.

го судебного заседания «разрываются» вопросы о назначении судебного заседания и о мере принуждения, поскольку решения по ним, по логике, должны формулироваться в отдельных постановлениях. Это не совпадает с общими требованиями к постановлению о назначении судебного заседания (ч. 2 ст. 231 УПК РФ), хотя на порядок обжалования решения по мере принуждения не влияет. В порядке предварительного слушания следовало бы решать вопрос о наложении ареста на имущество обвиняемого по ходатайству прокурора, потерпевшего, гражданского истца, что позволит ходатайствующим лицам обосновать свои доводы, а заинтересованным лицам их опровергнуть. В настоящее время закон не требует рассматривать этот вопрос в судебном заседании с участием сторон (по аналогии с досудебным производством), что обедняет состязательное начало стадии.

³⁴ Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28.

Закон устанавливает несколько видов подсудности: предметную, территориальную, персональную. *Предметная (родовая)* подсудность определяется в законе, как правило, через квалификацию конкретного состава преступления, кроме того, путем указания на размер возможного наказания (ч. 1 ст. 31 УПК РФ), наличие в материалах дела сведений, составляющих государственную тайну (п. 3 ч. 3 ст. 31 УПК РФ), а также путем прямого отнесения отдельных составов преступлений к компетенции конкретных судов (ч. 61 ст. 31 УПК РФ). В результате составы преступлений, предусмотренные Особенной частью УК РФ, распределены для рассмотрения в первой инстанции между всеми звеньями системы судов общей юрисдикции: мировыми судьями, районными (городскими) судами, судами уровня субъектов федерации. Предметная подсудность может быть изменена в процессуальном порядке только в строго оговоренных случаях. Вышестоящий суд не вправе принять к производству уголовное дело, подсудное нижестоящему суду. Основными звеньями, рассматриваемыми в первой инстанции подавляющее количество уголовных дел, выступают мировые судьи и районные (городские) суды.

Территориальная подсудность определяется местом совершения преступления. Уголовное дело будет рассматриваться по существу тем судом, компетенция которого распространяется на административный или судебный район, в котором учинено деяние. Закон предусматривает возможность изменения территориальной подсудности, однако такое изменение допускается в строго установленных ситуациях и по конкретной процедуре.

Персональную подсудность связывают, в основном, со статусом военнослужащих и приравненных к ним лиц. Все дела о преступлениях военнослужащих подсудны военным органам правосудия — гарнизонным и окружным (флотским) военным судам.

Соблюдению подсудности уделяется особое внимание, поскольку это конституционное требование. Смысл права «быть судимым законным судом» в том, что никто не может произвольно подобрать судью для рассмотрения конкретного дела, т. е. нельзя манипулировать судом. Каждому подсудимому суд определен заранее до совершения преступления. В этом присутствует ирония, но она четко проявляет суть. Человек, совершив преступление на территории N-го района, тем самым «выбрал» себе суд, юрисдикция которого распространяется на данный район. В зависимости от тяжести преступления, которая также определяется степенью общественной опасности действий самого подсудимого, дело поступает в соответствии с предметной подсудностью мировому судье, в районный (городской) суд или суд субъекта федерации.

Недопустимость манипулировать составом суда проявляется в процессуальном порядке распределения дел между судьями. Согласно ч. 1 ст. 30 УПК РФ состав суда для рассмотрения конкретного дела формируется с учетом нагрузки и специализации судей в порядке, исключая влияние на его формирование лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства, в том числе с помощью автоматизированной информационной системы.

Личное усмотрение подсудимого в определении подсудности ограничено до минимума и допускается только в случаях, когда тем самым достигается благо более высокого порядка. Так, согласно п. 2 ч. 3 ст. 31 УПК РФ уголовное дело в отношении членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей всех судов независимо от квалификации преступления по их ходатайству может быть рассмотрено судом уровня субъекта федерации (верховным судом республики, областным, краевым и другими равными по компетенции судами).

В силу предельной нормативной четкости правил о подсудности, подчиненных принципу публичности (подсудность задана законом), участие сторон в определении подсудности необязательно, поэтому в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства судья решает вопрос о подсудности дела самостоятельно.

Из смысла закона вытекает, что суд, принявший решение о направлении уголовного дела по подсудности, другие вопросы, относящиеся к компетенции суда в первой стадии, не рассматривает (ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 227 УПК РФ). Однако позиция Пленума Верховного Суда РФ обязывает суд, установивший, что уголовное дело ему не подсудно, все же рассмотреть вопрос об обоснованности содержания обвиняемого под стражей или домашним арестом³⁵. Это разъяснение вызывает уважение, поскольку является ярким примером чуткого отношения к праву преследуемого лица на личную неприкосновенность. Казалось бы, суд, который получит дело через небольшой срок, рассмотрит вопрос об обоснованности лишения или ограничения свободы лица в соответствии с общими требованиями, регламентирующими порядок назначения судебного заседания. Но нельзя допустить, чтобы даже непродолжительное время столь существенные меры принуждения применялись необоснованно. Поэтому судья созывает судебное заседание в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ, решает с участием сторон, подлежит ли отмене, изменению, остается ли прежней избранная в отношении обвиняемого мера пресечения. После этого принимается решение о направлении уголовного дела по подсудности.

³⁵ Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28.

Как уже отмечалось, в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ в общем порядке судья вправе удовлетворить обоснованные ходатайства сторон, которые не требуют проверки, а также отказать в удовлетворении, например, формально поданного ходатайства о проведении предварительного слушания, если в нем (ходатайстве) не содержится конкретного основания, требующего созыва сторон.

В случаях, когда в отношении обвиняемого необходимо избрать в качестве меры пресечения залог, требуется продлить срок содержания под стражей или домашнего ареста (ч. 2 ст. 228 УПК РФ), продлить срок наложения ареста на имущество «третьих» лиц (ч. 3 ст. 228 УПК РФ), а также, по нашему мнению, наложить арест на имущество тех лиц, на которых он неосновательно не наложен органами расследования, судья обязан провести судебное заседание в порядке, предусмотренном для этих целей в досудебном производстве.

При отсутствии оснований для направления уголовного дела по подсудности и назначения предварительного слушания судья выносит постановление о назначении судебного заседания, содержание которого регламентировано законом (ч. 2 ст. 231 УПК РФ). К сожалению, в многообразии пунктов, отражающих те вопросы, которые разрешает судья, явно не просматривается главный аспект: судья принимает решение о назначении дела к слушанию, т. е. предаст суду («ставит на судебное разбирательство») конкретного обвиняемого персонально. Признав возможным провести в отношении конкретных обвиняемых судебное разбирательство по существу, судья в этом же постановлении разрешает организационно-подготовительные вопросы: распоряжается о месте, дате и времени судебного заседания; назначении защитника, если соглашение не заключено, а его участие обязательно; о вызове в судебное заседание лиц по списку, приложенному к обвинительному заключению³⁶; о рассмотрении

³⁶ Буквально в законе сказано: «по спискам, представленным сторонами», т. е. подразумеваются два списка. Однако анализ специальных норм, регламентирующих окончание предварительного следствия и составление обвинительного заключения, подтверждает, что список как документ один, но в нем два пункта (перечня, списка): свидетели обвинения и свидетели защиты (ч. 4 ст. 220 УПК РФ). Самостоятельного документа (списка) сторона защита не представляет. В том случае, если, назначая судебное заседание в общем порядке, судья удовлетворяет ходатайства о вызове в суд дополнительных свидетелей, он формулирует распоряжение об их вызове. Следует обратить внимание также на содержание пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28, где говорится, что «судья вправе после изучения материалов дела и при наличии к тому оснований по собственной инициативе вызвать в судебное заседание других лиц, необходимых для рассмотрения уголовного

дела при наличии оснований в закрытом судебном заседании; о мере пресечения, за исключением случаев избрания меры пресечения в виде залога, домашнего ареста или заключения под стражу либо о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей³⁷.

В постановлении судьи должна быть указана квалификация вмененного органами уголовного преследования преступления (преступлений). В соответствии с современной нормативной концепцией стадии назначения и подготовки судебного разбирательства суд не вправе изменять квалификацию преступления даже в сторону, благоприятную для подсудимого. Поэтому судебное заседание назначается по обвинению, указанному в обвинительном заключении. Обвинение может быть изменено лишь по волеизъявлению прокурора, но это происходит только в ходе предварительного слушания.

В общем порядке одновременно с назначением судебного заседания судья вправе принять мотивированное решение о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании. Без проведения предварительного слушания в общем порядке может быть принято решение о назначении судебного заседания в особом порядке.

Постановление о назначении судебного заседания, вынесенное в общем порядке, может быть обжаловано в апелляционном порядке в вышестоящий суд.

Помимо решений, указанных в постановлении о назначении судебного заседания, судья вправе распорядиться об иных необходимых организационно-подготовительных действиях.

3.2. Предварительное слушание

Спектр решений, принимаемых на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства по итогам предварительного слушания, значительно шире, чем в общем порядке. Это можно проследить даже по перечню оснований назначения предварительного слушания: при наличии ходатайств представителей сторон об исключении доказательства, возвращении уголовного дела прокурору, приостановлении или прекращении уголовного дела, проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, рассмотрении уголовного дела судом с участием при-

дела, например для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования». Очевидно, что здесь пример сужает общее сформулированное правило, что затрудняет уяснение смысла даваемого разъяснения.

³⁷ Исходя из правовой позиции, выраженной в определении Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г. № 132-О, судья не вправе оставить без изменения меру пресечения в виде заключения под стражу без проведения судебного заседания в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ.

сяжных заседателей, соединении уголовных дел, при наличии оснований для выделения уголовного дела, при наличии не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело, за ранее совершенное им преступление (ч. 2 ст. 229 УПК РФ). Предварительное слушание для того и назначается, чтобы в ходе него с участием представителей сторон рассмотреть и разрешить различные ходатайства или получить право принять иное (кроме назначения судебного заседания) решение.

Обвиняемый имеет право ходатайствовать не о назначении предварительного слушания как такового, а о разрешении конкретного вопроса, обозначенного в ст. 229 УПК РФ. Обоснованное ходатайство повлечет назначение предварительного слушания. Если в ходатайстве стороны не содержится мотивов и оснований для проведения предварительного слушания, разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 (п. 7), судья при отсутствии таких оснований принимает решение об отказе в удовлетворении ходатайства и назначает судебное заседание в общем порядке³⁸. Ходатайство, предполагающее проведение предварительного слушания, может быть заявлено стороной защиты при ознакомлении обвиняемого с материалами дела (ч. 5 ст. 217 УПК РФ), а также после направления уголовного дела в суд в течение 3 суток со дня получения обвиняемым копии обвинительного заключения или обвинительного акта (ч. 3 ст. 229 УПК РФ). Постановление Пленума Верховного Суда РФ (п. 7) допускает назначение предварительного слушания и за пределами данного срока, если он пропущен по уважительной причине. Перечень оснований проведения предварительного слушания таков, что не исключается его инициирование стороной обвинения (прокурором, потерпевшим).

Предварительное слушание проводится судьей единолично в закрытом судебном заседании с участием сторон. Представители сторон должны быть своевременно уведомлены о вызове в судебное заседание. В законе говорится, что уведомление должно быть направлено не менее чем

³⁸ Приведенному разъяснению суды, как правило, следуют. Вместе с тем в отдельных случаях можно встретить постановления судьи о назначении предварительного слушания, в которых ни во вводной, ни в описательно-мотивировочной частях нет указания на конкретное ходатайство, послужившее основанием для такого решения. Просто указывается, что уголовное дело поступило в суд вместе с ходатайством о назначении предварительного слушания. В постановлении о назначении судебного заседания приводятся сведения, что в ходе предварительного слушания (например, защитником) заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела.

за 3 суток до дня проведения предварительного слушания (ч. 2 ст. 234 УПК РФ). Такая формулировка, на наш взгляд, не совсем удачная, поскольку направить уведомление и получить его — понятия не тождественные. Речь должна идти о заблаговременном получении уведомления. Вызов участников предварительного слушания возможен путем отправки смс-извещения адресату (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ). В ходе предварительного слушания ведется протокол.

Проведение предварительного слушания не расширяет сроки назначения судебного заседания, предусмотренные ч. 3 ст. 227 УПК РФ. Даже в случаях отложения судебного заседания, в связи с предоставлением сторонам права на ознакомление с материалами дела или неявкой обязательных участников, судебное разбирательство должно быть назначено не позднее 30 (14) суток с момента поступления уголовного дела в суд (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ). Такой весьма жесткий порядок исчисления сроков в определенной мере негативно сказывается на качестве обеспечения прав участников предварительного слушания, особенно по делам, по которым в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, где срок назначения судебного заседания по результатам предварительного слушания равен всего 14 суткам.

По закону предварительное слушание проводится с участием обвиняемого, если им не заявлено ходатайство о проведении заседания без него или дело не рассматривается в «заочном» порядке. Неявка других своевременно извещенных участников производства по уголовному делу не препятствует проведению предварительного слушания (чч. 3, 4 ст. 234 УПК РФ). Вместе с тем, согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ предварительное слушание должно проводиться с участием прокурора и защитника, если его участие обязательно (п. 16 данного постановления).

В ходе предварительного слушания, назначенного по одному из оснований, стороны могут возбудить иные ходатайства, подлежащие рассмотрению. Решение судьи по каждому заявленному ходатайству или жалобе отражается в постановлении, принятом по итогам предварительного слушания (ч. 3 ст. 236 УПК РФ).

На предварительном слушании прокурор вправе изменить обвинение в сторону, благоприятную для обвиняемого. В этом случае в постановлении о назначении судебного заседания судья указывает квалификацию преступления в соответствии с позицией прокурора. Подчеркнем, что на данном этапе судопроизводства судья обязан принять позицию прокурора. Такое регулирование связано с тем, что суд еще не исследовал доказательства, не составил собственного представления об обсто-

ательства дела, не сформировал окончательного внутреннего убеждения. Ниже будет показано, что по результатам судебного следствия отношения судьи и органов преследования в части квалификации содеянного складываются иначе: судья, установив, что должен быть применен уголовный закон о более тяжком преступлении, вправе возвратить дело прокурору для исполнения позиции суда. Если при изменении квалификации преступления изменяется предметная подсудность уголовного дела, судья принимает решение о передаче дела по подсудности (ч. 5 ст. 236 УПК РФ).

Так же как и в общем порядке, при назначении судебного заседания по результатам предварительного слушания судья принимает решения, направленные на подготовку предстоящего судебного разбирательства: о дате, времени и месте судебного разбирательства; о вызове в судебное заседание государственного обвинителя, обвиняемого, защитника, потерпевшего; о назначении защитника, доставлении обвиняемого, содержащегося под стражей; о направлении сторонам копий постановления о назначении судебного заседания, привлечении к участию в деле переводчика и др. (ч. 2 ст. 231 УПК РФ, п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ).

Одновременно с основным решением о назначении судебного заседания по результатам предварительного слушания в постановлении принимаются решения по другим вопросам, послужившим основанием для проведения предварительного слушания, например об исключении определенного доказательства, о соединении или выделении уголовного дела, о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

Закон содержит детальное описание порядка рассмотрения на предварительном слушании ходатайства об исключении доказательства. Сторона должна четко сформулировать вид доказательства, основания для его исключения и свои доводы. Если ходатайство не отвечает обозначенным требованиям, судья вправе отказать в его удовлетворении, не назначая предварительного слушания. На предварительном слушании судья вправе допросить свидетеля по обстоятельствам производства того или иного оспариваемого следственного действия или иного способа собирания рассматриваемого доказательства и приобщить к уголовному делу дополнительные материалы, представленные стороной в обоснование своих доводов. При необходимости судья вправе огласить протоколы следственных действий, имеющиеся в уголовном деле, и представленные дополнительные материалы. Бремя опровержения доводов стороны защиты возложено на прокурора. Признание прокурором доводов сто-

роны защиты обоснованными влечет признание доказательства недопустимым. Это обстоятельство вытекает из идеи состязательности судопроизводства и подчеркивает, что суд на данном этапе не влияет на доказанность обвинения. В остальных случаях судья принимает решение по своему усмотрению.

Пределы обжалования решений, принятых по результатам предварительного слушания, неоднократно изменялись. В настоящее время предусмотрено, что постановление судьи может быть обжаловано в апелляционную и кассационные инстанции как в части разрешения ходатайств, так и собственно в части назначения судебного заседания, за исключением вопросов о месте, дате и времени судебного заседания, назначении защитника, вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами, рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании (ч. 7 ст. 236 УПК РФ). Обжалованию подлежат и альтернативные решения, принятые по результатам предварительного слушания, о которых речь пойдет ниже.

Помимо (или вместо) назначения судебного заседания, по результатам предварительного слушания могут быть приняты решения о направлении уголовного дела по подсудности, возвращении уголовного дела прокурору, отложении судебного разбирательства, приостановлении производства по уголовному делу, прекращении уголовного дела.

Возвращение уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) — одна из наиболее сложных в теоретическом плане альтернатив назначению судебного заседания. Данное решение следует отличать от возвращения дела судом для дополнительного расследования, которое в настоящее время нормативно не регламентировано. По действующему законодательству уголовное дело может быть возвращено для дополнительного расследования только руководителем следственного органа и прокурором в период нахождения дела на досудебных стадиях. После утверждения прокурором обвинительного заключения и передачи уголовного дела в суд для рассмотрения по существу (прокурорского предания суду) движение назад в досудебное производство для целей установления дополнительных обстоятельств и собирания новых доказательств виновности лица, т. е. для усиления обвинения, законом не предусмотрено.

Разработчики действующего закона исходили из того, что подобное движение дела назад будет несовместимым с принципом состязательности, предполагающим нейтральность суда. Институт возвращения дела судом для дополнительного расследования был заменен на институт возвращения уголовного дела прокурору. Принципиальное отличие этих ин-

ституты в том, что по замыслу законодателей уголовное дело может быть возвращено только для устранения формальных нарушений в итоговом документе досудебного производства или для устранения иных препятствий (не связанных с существом обвинения) для рассмотрения дела судом. Первоначальная редакция ст. 237 УПК РФ допускала возвращение дела прокурору на весьма ограниченный (не более 5 суток) срок. Из закона не следовало, что прокурор мог в свою очередь передать дело следователю: производство должно было оставаться у прокурора, и под его надзором предполагалось выполнение тех действий организационно-технического характера, которые препятствуют суду рассмотреть дело. Производство следственных действий не только не предполагалось, но и принципиально запрещалось.

Надо признать, что закрепленный в законе подход был радикальный. При буквальном восприятии текста получалось, что обнаружившееся в суде нарушение прав преследуемого лица было неустранимым и влекло постановление оправдательного приговора. Законодатель ввел своего рода санкцию в отношении государственных органов и должностных лиц, ведущих производство: если не удавалось расследовать дело без нарушений закона, то следовал оправдательный приговор, поскольку движение уголовного дела назад в стадию предварительного расследования было полностью запрещено. Например, в суде выяснялось, что обвинение предъявлено без защитника или переводчика в случаях, когда их участие было обязательным. Перепредъявить обвинение, повторно допросить обвиняемого нельзя, но и обвинительный приговор также при таких обстоятельствах невозможен. Значит, должно следовать оправдание. Интересы потерпевшего и просто здравый смысл оказывались проигнорированными.

Правоприменительная практика вынуждена была толковать закон, отступая от его буквального смысла. Статистика первых лет применения ст. 237 УПК РФ свидетельствовала, что прокуроры передавали возвращенные судом дела органам расследования, которые производили следственные действия. Правило пятисуточного срока для повторного направления дела в суд не соблюдалось, более того, до трети возвращенных судом дел вообще не направлялись повторно в суд, а приостанавливались или прекращались.

Первая значительная корректировка института возвращения уголовного дела прокурору произведена постановлением Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П. Пункту 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, который сохраняет свою первоначальную редакцию до сих пор, придан

другой смысл, значительно расширяющий волеизъявление законодателя. Конституционный Суд РФ вернул в уголовно-процессуальную деятельность понятие «существенное нарушение закона». В любом случае, когда органами уголовного преследования допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, препятствующее рассмотрению уголовного дела по существу, дело должно быть возвращено прокурору. Законодатель устранил пятисуточный ограничительный срок и запрет на производство следственных действий.

Под влиянием правовых позиций Конституционного Суда РФ начался процесс формирования перечня ситуаций, когда дело может быть возвращено прокурору для усиления обвинения. Начало ему положил закон от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ. Во исполнение правовой позиции Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П законодатель предписал, что «судья по ходатайству стороны возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом в случаях, если после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления» (ч. 12 ст. 237 УПК РФ).

Значимым шагом в реформировании института возвращения дела прокурору стало постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда от 2 июля 2013 г. № 16-П (далее — постановление № 16-П) и последовавший за ним Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ. Часть 1 ст. 237 УПК РФ дополнена новым основанием возвращения дела прокурору (п. 6), согласно которому дело возвращается, если «фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния».

Прокомментируем данное основание в контексте решения о возвращении уголовного дела прокурору на предварительном слушании.

Пункт 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ основан на тексте, неоднократно повторяющемся в описательно-мотивировочной и резолютивной частях постановления Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении № 16-П говорится о возвращении дела для усиления обвинения применительно к случаям, когда «фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления» (подп. 1.3, 4.2, 5 описательно-мотивировочной и п. 1 резолютивной частей). Приведенные слова использованы для выражения предмета рассмотрения в данном деле и для описания принятого решения.

Здесь отчетливо просматриваются две ситуации: во-первых, фактические обстоятельства, *изложенные* в обвинительном заключении, обвинительном акте или постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления; во-вторых, в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства *установлены* фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Первая ситуация возникает, когда суд на любом этапе производства по делу, в том числе и в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, замечает ошибку или технический сбой в формулировании обвинения (например, описание фактической стороны с очевидностью указывает на насилие, опасное для жизни и здоровья, а юридическая квалификация — грабеж, а не разбой; обвинение, изложенное в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, содержит указание на квалифицирующие признаки, которых нет в окончательном обвинительном тезисе, при том что фактические обстоятельства описаны одинаково, и т. п.). Такое возвращение не связано с оценкой собранной органами преследования совокупности доказательств, не нацелено на ее выполнение. Возвращение дела здесь вызвано не нарушением юридических процессов доказывания и квалификации преступлений, а сбоями, недоразумениями в их отражении в процессуальных документах. Суд возвращает дело не по причине слабой доказанности обстоятельств дела, а потому лишь, что в акте уголовного преследования они *изложены* таким образом, что должны с очевидностью квалифицироваться иначе, в том чис-

ле по закону о более тяжком преступлении. Это препятствие, носящее характер ошибки. Раньше его нельзя было устранить, после корректировки законодательства это стало возможным, в том числе по результатам предварительного слушания.

Вторая типичная ситуация, вытекающая из анализа постановления № 16-П, по нашему мнению, состоит в том, что суд путем непосредственного исследования доказательств по итогам оконченого судебного следствия *установил* фактические обстоятельства, свидетельствующие о необходимости применения уголовного закона о более тяжком преступлении. Процесс собирания, проверки и оценки доказательств завершен на стадии судебного разбирательства. Остается принять решение в соответствии с установленными обстоятельствами. Однако логический правовой вывод в системе действующего регулирования невозможен, поскольку суд связан предъявленным обвинением. Приходится возвращать дело прокурору. Здесь также нет признаков восстановления института дополнительного расследования, поскольку суд не предписывает органам преследования что-либо устанавливать, он все сделал самостоятельно с участием сторон в рамках судебного следствия. С учетом приоритета судебного исследования доказательств перед досудебным следствием, а также независимости и самостоятельности органов судебной власти деяние должно быть квалифицировано в соответствии с обстоятельствами, установленными судом, а не органами преследования. В перспективе надо найти способ, позволяющий суду без возвращения дела правильно применить уголовный закон в соответствии с познанными обстоятельствами. Поэтому возвращение дела прокурору в такой ситуации — вынужденный порядок действий. Насколько адекватно он отражен в законодательной новелле? В пункте 6 вторая ситуация представлена так: «... либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления...».

Представляется, что рассматриваемое основание возвращения дела *не может возникнуть по итогам предварительного слушания*. По нашему мнению, в постановлении № 16-П допущена процессуальная неточность, которая дает формальный повод говорить, что суд вправе вернуть дело прокурору для усиления обвинения до установления им самим всех обстоятельств дела, т. е. поручает это сделать именно органам преследования. Эта неточность состоит в том, что и в описательно-мотивировочной, и резолютивной частях документа упоминается предварительное слушание как стадия судебного разбирательства, где может быть приня-

то решение о возвращении дела. В действительности из стадии назначения и подготовки судебного разбирательства дело может быть возвращено только в ситуациях, связанных с ошибкой в формировании обвинительного тезиса. Во всех других случаях, когда на этом этапе выявляется неясность (в силу недоказанности) обстоятельств дела, суд обязан назначить судебное заседание и приступить к судебному следствию. На некорректность выражения «когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления» было обращено внимание в самых первых комментариях к постановлению № 16-П³⁹. Однако разработчики закона, направленного на реализацию постановления, фактически дословно перенесли в норму не совсем правильный в уголовно-процессуальном аспекте текст, чем исказили истинный смысл правовой позиции Конституционного Суда РФ, проявляющийся в контексте всего документа, по сути, свели ее (позицию) к возможности вернуть дело для дополнительного расследования. В постановлении № 16-П и текстуально (возвращение дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению — это «особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования»), и по существу происходит решительное отмежевание от института дополнительного расследования. Принятый же закон это обстоятельство не воспринял, легализовал доказательственную деятельность органов преследования после доказывания, осуществленного судом. Полагаем, что это принципиальный недостаток законодательной новеллы⁴⁰.

В связи с изложенным из п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ следует исключить упоминание предварительного слушания как этапа судопроизводства, с которого возможно возвращение дела прокурору для усиления обвинения в рассматриваемой ситуации (по второму основанию). Неточность закона приводит, на наш взгляд, к практике, не соответствующей смыслу правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Так, органами предварительного следствия Ф. обвинялся в хищении имущества открытого акционерного общества путем мошенничества в

³⁹ Николук В. В., Кальницкий В. В., Куряхова Т. В. Возвращение дела прокурору для усиления обвинения стало возможным // Уголовное право. 2013. № 4. С. 84–89; Тришева А. А., Решетова Н. Ю. Возвращение судом уголовного дела прокурору: практика и новая позиция КС РФ // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 17.

⁴⁰ На формальное исполнение законодателем постановления № 16-П обратил внимание председатель Конституционного Суда РФ (Зорькин В. Д. Резервы повышения качества российского законодательства // Рос. газета. 2015. 25 янв.).

особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ). Уголовное дело в отношении Ф. направлено для рассмотрения в районный суд. В ходе предварительного слушания государственным обвинителем было заявлено ходатайство о возвращении уголовного дела для дополнения обвинения и вменения Ф. квалифицирующего признака «группой лиц по предварительному сговору». Не преступая к исследованию данных обстоятельств, суд вернул уголовное дело прокурору для предъявления Ф. более тяжкого обвинения. Вместе с тем в постановлении № 16-П Конституционный Суд РФ сформулировал правило, согласно которому только *познанные* судом обстоятельства могут служить основой для вывода суда о необходимости усиления обвинения. Из стадии назначения и подготовки судебного разбирательства дело может быть возвращено только в ситуациях, связанных с ошибкой в формулировании обвинительного тезиса. В данном случае следовало принять решение об отказе в удовлетворении ходатайства и назначении судебного заседания.

В другом уголовном деле по итогам предварительного слушания прокурору было возвращено уголовное дело в отношении пяти обвиняемых, совершивших разбойное нападение. Описание в обвинительном заключении фактических обстоятельств произошедшего свидетельствовало о совершении преступления в составе организованной группы (п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ), однако действия обвиняемых квалифицировались по ч. 3 ст. 162 УК РФ. Такое возвращение не связано с оценкой собранной органами преследования совокупности доказательств, не нацелено на ее выполнение. Возвращение дела здесь вызвано не нарушением юридических процессов доказывания и квалификации преступлений, а сбоем в их отражении в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении и поэтому правомерно осуществлено по результатам предварительного слушания.

Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства осуществляется в целом по тем же основаниям, что и в досудебном производстве (ст. 239 УПК РФ). Исключениями выступают три классических реабилитирующих основания: отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления (пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), при наличии которых в стадии судебного разбирательства постановляется оправдательный приговор (пп. 1–3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ)⁴¹. Дан-

⁴¹ В связи с этим не вполне логичной выглядит практика, когда судья, получивший вместе с уголовным делом ходатайство обвиняемого или защитника о прекраще-

ные исключения весьма показательны, они отражают современные подходы к стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, однако смысл их может быть истолкован по-разному.

Во время действия УПК РСФСР, включая пореформенный период с 1992 г. по 2002 г., подобных исключений не было. Суд, установив наличие обозначенных оснований, принимал решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования на стадии предания суду (назначения судебного разбирательства). Как показано ранее, суд имел право либо возвратить уголовное дело для производства дополнительного расследования, с тем чтобы дать органам расследования еще один шанс восполнить доказательственную базу, либо мог прекратить уголовное дело, если новое расследование выглядело бесперспективным. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования по рассматриваемым реабилитирующим основаниям было следствием полномасштабного контроля стадии предания суду за досудебным производством, проявлением правила, согласно которому лицо не должно попадать на скамью подсудимых без наличия достаточной совокупности доказательств, указывающих на его виновность.

В настоящее время в связи с изменением концепции стадии (контроль за досудебным производством ведется только в части выявления препятствий для рассмотрения уголовного дела по существу) доказанность реабилитирующих обстоятельств либо неполнота расследования, не позволяющая с уверенностью установить событие, состав преступления, причастность лица к совершению преступления, не препятствуют назначению судебного разбирательства. Лицо предается суду по существу для его оправдания. В силу качественного расследования, ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора на досудебном производстве право прокурора полностью или частично отказать от обвинения на предварительном слушании часто им не применяется. Тем не менее даже для единичных случаев такая логика (передать в суд для практически стопроцентного оправдания) очень интересна. В ней есть значительный позитивный потенциал — в новых условиях не следует бояться судебного рассмотрения дела. Существует старинная

нии уголовного дела за отсутствием, например, состава преступления, принимает решение о назначении предварительного слушания, а в постановлении о назначении судебного заседания детально мотивирует отказ в удовлетворении ходатайства. По существу подобное ходатайство не должно было влечь назначение предварительного слушания в силу отсутствия правовых предпосылок для его разрешения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства.

пословица: «Суд не на осуд, а на рассуд», т. е. судоговорение в главной стадии — само по себе не позорящее человека действие, а средство публичного разбора его предполагаемого поступка. Еще раз подчеркнем, что это весьма поучительная логика. Однако на данный момент и органами досудебного производства, и отчасти самим уголовно-процессуальным законодательством она фактически полностью отвергается.

Пленум Верховного Суда разъяснил, что при наличии оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования в предварительном слушании судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе вправе исследовать материалы дела, имеющие отношение к основаниям его прекращения (п. 20). Поскольку непосредственное исследование доказательств в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства не предусмотрено, речь идет о прочтении материалов дела и их интерпретации в заявлениях представителей сторон.

Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части в зависимости от содержания заявления прокурора по одному из классических реабилитирующих оснований (отсутствие события, состава преступления, непричастность лица к совершению преступления). Отказ государственного обвинителя от обвинения, исходя из общего подхода, подтвержденного правовой позицией Конституционного Суда РФ, обязателен для суда, производство по делу должно быть прекращено. Однако это не означает, что суд не вправе предложить представителю обвинения изложить развернутые мотивы такого решения. Изложенные в протоколе мотивы отказа от обвинения необходимы для оценки апелляционной инстанцией занятой обвинением позиции и принятия решения по возможным жалобам.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ в случае, когда государственный обвинитель в предварительном слушании изменил обвинение на преступление, преследуемое в порядке частного обвинения, судье следует принять меры к вызову потерпевшего в судебное заседание для выяснения вопроса о том, желает ли он привлечь обвиняемого к уголовной ответственности. В зависимости от мнения потерпевшего, судье надлежит принять решение о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием заявления (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) или о направлении его *по подсудности* мировому судье (п. 19). Судья по результатам предварительного слушания во всех случаях направляет уголовное дело в соответствии с предметной подсудностью в суд нижестоящего звена, если в соответствии с позицией государственного обвинителя деяние подлежит квалифицировать по закону о менее тяжком преступлении.

Интересно проанализировать новое основание прекращения уголовного дела по результатам предварительного слушания, введенное Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, а именно прекращение уголовного дела или уголовного преследования в соответствии со ст. 25¹ УПК РФ с назначением судебного штрафа. Данное основание является специфическим. Об этом свидетельствуют даже формальные признаки: законодатель не включил его в ст. 239 УПК РФ, регламентирующую прекращение уголовного дела или уголовного преследования на предварительном слушании, а в ст. 236 УПК РФ, определяющей виды решений, принимаемых судьей на предварительном слушании, записал этот вид прекращения производства самостоятельным пунктом (п. 4¹) наряду с существовавшим и ранее пунктом, указывающим на прекращение уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 236 УПК РФ). Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа возможно по результатам предварительного слушания⁴².

Специфика нового основания прекращения уголовного дела (преследования) столь существенна, что позволяет выдвинуть предположение, что законодатель, допустив такое прекращение по результатам предварительного слушания, вступил в противоречие с конституционным принципом презумпции невиновности. На наш взгляд, прекращение уголовного дела или уголовного преследования по рассматриваемому основанию возможно исключительно по итогам полноценного судебного исследования всех обстоятельств дела и предпосылок к назначению судебного штрафа и только после констатации вины подсудимого в форме приговора суда. Поэтому при наличии ходатайства стороны о прекращении уголовного дела (преследования), заявленного при поступлении расследованного дела в суд, на предварительном слушании должно приниматься решение об отказе в удовлетворении ходатайства и назначении судебного заседания.

Судебный штраф является мерой уголовно-правового характера (ст. 104⁴ УК РФ). Это не наказание, но определенная законом разновидность воздействия на лицо, совершившее преступление. Факт совершения преступления в конституционно-правовом смысле может быть установлен только судом, такой вывод излагается в приговоре. Предварительное слушание не содержит средств непосредственного исследования до-

⁴² О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. от 29 ноября 2016 г.) (п. 25⁷). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

казательств. Здесь нет возможности произвести судебные действия следственного характера для проверки выводов органов расследования о совершении лицом преступления, а также установить дополнительные специфические обстоятельства, подлежащие доказыванию при назначении судебного штрафа: имущественное положение лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, наличие дохода в виде заработной платы и иных источников.

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывал позицию, которую можно взять за основу при определении легитимности (нелегитимности) прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа по результатам предварительного слушания. Так, в постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П⁴³ сказано, что если противоправность того или иного деяния или его совершение конкретным лицом не установлены и не доказаны в соответствующих уголовно-процессуальных процедурах, такое деяние не может влечь за собой уголовную ответственность и применение иных мер уголовно-правового характера, хотя бы это и было связано с ранее имевшим место в отношении данного лица уголовным преследованием (абзацы 4 и 5 п. 2.1 описательно-мотивировочной части). Этот тезис был повторен и усилен в постановлении от 8 ноября 2016 г. № 22-П⁴⁴. В частности, сказано, что лицо не может быть привлечено к полной материальной ответственности по основанию, обусловленному наличием в действиях лица признаков состава преступления, если наличие в действиях (бездействии) лица признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством, констатировано «иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением...» (п. 2 резолютивной части).

Отнесение прекращения уголовного дела к исключительной компетенции суда само по себе не означает конституционно-правового признания лица совершившим преступление и не является основанием не только уголовной ответственности и наказания, но и любой иной ответственно-

⁴³ По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко : постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П.

⁴⁴ По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с жалобой гражданина Д. В. Батарагина : постановление Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2016 г. № 22-П.

сти, например имущественной или (в рассматриваемой нами ситуации) ответственности в виде возложения меры уголовно-правового характера, не являющейся наказанием. Конституция РФ связывает признание лица совершившим преступление с единственным актом правосудия — приговором суда, который, как известно, деятельности суда в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства не свойственен. Наличие согласия обвиняемого с прекращением уголовного дела или уголовного преследования ситуацию не изменяет. Несудебное или судебное не в форме приговора прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям конституционно и допустимо только в случаях, когда такое прекращение (и тем самым фактическое признание лица виновным в совершении преступления) не выступает основанием какой-либо ответственности. На наш взгляд, аналогичную позицию занимал и Комитет конституционного надзора СССР, который в Заключении от 13 сентября 1990 г. № 2-8⁴⁵ указал, что «нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, позволяющие признавать лицо виновным в совершении преступления и освобождать его от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия без рассмотрения дела в суде и вынесения приговора, не отвечают принципу презумпции невиновности». Таким образом, любая ответственность (гражданско-правовая, административная, общественная, в виде иной меры уголовно-правового характера), в основе которой лежит совершение лицом деяния, содержащего состав преступления, предполагает признание лица виновным в форме приговора суда, а значит, по нашему мнению, исключает принятие решения о возложении такой ответственности судом по результатам предварительного слушания.

Решение о *приостановлении производства по уголовному делу* принимается по перечисленным в законе основаниям, во многом совпадающим с основаниями такого решения в досудебном производстве. Это случаи, когда обвиняемый скрылся и место его пребывания неизвестно; когда место нахождения обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в судебном разбирательстве отсутствует, а также в случае тяжелого заболевания обвиняемого, если оно подтверждается ме-

⁴⁵ О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека : заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 39, ст. 775.

дицинским заключением. Имеется и специфическое основание приостановления производства по делу по результатам предварительного слушания — при направлении судом запроса в Конституционный Суд РФ или принятии этим Судом поступившей от иных лиц жалобы о соответствии закона, примененного или подлежащего применению в данном уголовном деле, Конституции РФ.

В случаях, когда обвиняемый скрылся и место его пребывания неизвестно, действия судьи, следующие за принятием решения о приостановлении производства по делу, дифференцированы в зависимости от избранной в отношении скрывшегося обвиняемого меры пресечения. Если совершил побег обвиняемый, содержащийся под стражей, судья по установлении данного обстоятельства средствами предварительного слушания возвращает уголовное дело прокурору и поручает ему обеспечить розыск обвиняемого. Возвращение уголовного дела прокурору производится также в целях возобновления производства и соединения его с вновь возбужденным уголовным делом о побеге (ст. 313 УК РФ). Если скрылся обвиняемый, не содержащийся под стражей, судья избирает ему меру пресечения в виде заключения под стражу и поручает прокурору обеспечить его розыск. Уголовное дело остается в суде. Последняя ситуация выступает своего рода исключением из общего правила о том, что мера пресечения в виде заключения под стражу избирается в условиях, когда обвиняемый лично присутствует при обсуждении этого решения. Несмотря на императивное предписание закона об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, суд обязан принять обоснованное решение и, используя имеющиеся на предварительном слушании возможности, достоверно установить факт неправомерного уклонения обвиняемого от судебного разбирательства.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28, в случаях, когда по уголовному делу в отношении нескольких обвиняемых основания для приостановления производства по делу имеются в отношении одного из них, в отношении остальных подсудимых разбирательство уголовного дела продолжается (п. 18). Это означает, что, приостановив производство по делу в отношении конкретного обвиняемого, суд назначает судебное заседание в отношении других обвиняемых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выражаем надежду, что представленный учебный материал поможет создать у читателя первичное представление о контурах стадии с историческим названием «предание суду», ее оптимальном наименовании, адекватно отражающем современную сущность, о задачах, формах реализации, субъектах, принимаемых основных и промежуточных решениях, временных границах и прочих атрибутах стадийности. Внимательное прочтение сформирует также понимание слабых сторон стадии, т. е. аспектов, которые либо недостаточно ясны, либо осознаны юристами и нуждаются в несколько другом описании в законе. Среди них важнейшими проблемами выступают, к какой уголовно-процессуальной власти (прокурорской или судебной) должна относиться функция передачи расследованного уголовного дела, а значит, и преследуемого лица в судебное производство для окончательного разрешения вопроса о виновности или невиновности; актуален или нет в настоящее время тезис о недопустимости предания суду без достаточных для этого оснований, если актуален, то какой орган должен отвечать за оценку такой достаточности.

История развития стадии показывает, как существенно она модифицировалась. Модернизация стадии шла не всегда последовательно. Законодатель и судебная политика порой возвращались к решениям, определенное время назад признанным неэффективными, они вновь апробировались и повторно отвергались. Несмотря на это, в современной научной литературе подобные идеи вновь поднимают в качестве приемлемой перспективы организации предания суду.

Трудно сформулировать точные пределы и формы погружения суда в материалы досудебного производства с тем, чтобы проверить качество произведенного расследования. Здесь широчайший простор для усмотрения: от полного устранения суда от такой роли до задачи не допустить к судебному разбирательству поверхностно расследованные производства, не предприняв при этом вопрос о виновности обвиняемого.

Весьма важно вписать предание суду в состязательную модель судопроизводства, где судебное решение формируется с учетом позиций сторон, дать сторонам право осуществлять контроль за доброкачественностью собранных доказательств, высказываться по всем значимым для судьбы дела вопросам и не допустить формализма, поскольку ответы на многие ходатайства требуют непосредственного исследования доказательств.

Нуждаются в корректировке отдельные частные позиции. Например, вряд ли могут быть признаны отлаженными до совершенства механизмы возвращения уголовного дела прокурору для усиления обвинения, а также прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа по результатам предварительного слушания.

Многие вопросы прикладного характера сняты или существенно прояснены разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Однако в силу ограниченности пределов его компетенции не все затруднения могут быть преодолены усилиями судебной власти.

Изучение проблем первой судебной стадии уголовного судопроизводства, вбирающей в себя практически все аспекты общей части дисциплины, полагаем, будет способствовать повторению пройденного материала и лучшему восприятию судебного производства в целом. Основным результатом изучения учебного пособия нам видится возникшее желание обучающихся проработать фундаментальные труды (безотносительно времени выхода их в свет), посвященные стадии предания суду.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
§ 1. Очерк порядка предания суду (назначения и подготовки судебного разбирательства) по досоветскому, советскому, постперестроечному и действующему законодательству	8
1.1. Предание суду по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. . .	8
1.2. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному законодательству	12
1.3. Назначение и подготовка к судебному заседанию в соответствии с главой 20 УПК РСФСР 1960 г. в редакции Закона РФ от 29 мая 1992 г.	22
1.4. Общая характеристика нормативного регулирования назначения и подготовки судебного разбирательства по УПК РФ	26
§ 2. Понятие стадии назначения и подготовки судебного разбирательства	28
§ 3. Порядок назначения и подготовки судебного разбирательства . . .	39
3.1. Общий порядок назначения и подготовки судебного разбирательства	44
3.2. Предварительное слушание	48
Заключение	65

Учебное издание

Кальницкий Владимир Васильевич

**СТАДИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Редактор А. Н. Великих

Корректор М. В. Виноградова

Технический редактор Н. М. Серова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 16.04.2018. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 3,5. Тираж 100 экз. Заказ № 54.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7